

СЕРГЕЙ ПАНЧЕНКО

ВЕТЕР

ИДДК

КНИГА 1

Сергей Панченко

Ветер. Книга 1

«ИДДК»

2019

Панченко С. А.

Ветер. Книга 1 / С. А. Панченко — «ИДДК», 2019

Невероятной силы ветер сдувает с поверхности Земли все напоминание о существовавшей на ней когда-то цивилизации. Чудом остается в живых семья, спрятавшаяся от непогоды в пещере. Военные подводники, оказавшиеся в боевом походе, и космонавты, пережившие закат человечества на МКС.

© Панченко С. А., 2019

© ИДДК, 2019

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Глава 2	27
Глава 3	45
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Сергей Панченко

Ветер. Книга 1

Предисловие

Спустя сто лет

В поселке готовились к празднику сбора урожая. Обширные террасовые рисовые поля ждали, когда к ним прикоснется зубчатое лезвие косилки. В кузницах не умолкал стук молотков. Нужно было успеть произвести достаточное количество расходников для механических косилок. Период хорошей ясной погоды длился совсем недолго, поэтому любые задержки могли привести к потере урожая. Рис для жителей стал стратегической культурой. Из него готовили буквально все: крупу, муку, крахмал, алкоголь, фураж, солону. Его нехватка могла дорого обойтись поселку.

За сотню лет суровый климат Новой Земли превратился в тропический. Каменистый архипелаг быстро зарос зеленью. На нем появилась возможность выращивать некоторые сельскохозяйственные культуры. Из-за высокой влажности, вызванной изменением климата Земли, лучше всего подошел рис. Поля и террасы на склонах холмов были сплошь усеяны этой культурой. Население поселка, перешагнувшее за трехтысячный рубеж, к празднику сбора урожая, почти целиком оказывалось на рисовых полях. Каждый ребенок старше десяти лет должен был присутствовать на этом мероприятии.

Помимо растениеводства на архипелаге процветало разведение оленей. Богатые пастбища привели к росту числа популяции и разумно было взять этот процесс в свои руки. За оленями потянулись белые медведи, оккупировавшие северную часть архипелага. Поднявшаяся вода снова заполнила пролив Маточкин Шар, но хищники все равно переплывали его, чтобы вкусить оленины. Отряд охотников, вооруженных огнестрельным оружием, оставшимся от старой эпохи, патрулировал побережье, чтобы не допустить медведей на южный остров. Шкуры убитых зверей годились на изготовление зимней одежды. Но с каждым годом зима становилась все теплее и необходимость в них могла отпасть совсем.

У побережья поселка имелись рыбные фермы. В построенных из камня бассейнах разводили рыбу и крабов. Рыбу кормили рисовой дробленкой и водорослями. Крабов всяческими отходами. Что такое голодать, или недополучать витамины и микроэлементы, жители поселка не знали. Знания, оставшиеся от предков, помогали им поддерживать необходимый уровень развития, не давая скатиться в каменный век.

Так как практически вся информация, хранившаяся в книгах, была на русском языке, то и население разговаривало почти по-русски. Но если бы наш современник оказался в этом поселке, то он вряд ли бы смог понять разговорную речь его жителей. Это была жуткая смесь русского, испанского и английского языков. Да и сами жители являлись кем угодно, только не русскими. Примеси темнокожих американцев и смуглых мексиканок, почти полностью взявших на себя процесс воспроизводства населения, привели к тому, что среднестатистический житель поселка был смугловат, кареглаз и черноволос. Русые волосы и светлые глаза считались редкостью.

Иван был таким ребенком, отличным от своих сверстников. Вел он свою родословную от бабки Анны, дочери прабабки Джейн, прилетевшей из космоса. Так получилось, что по его линии не было никого из смуглых жителей поселка. Он всегда выделялся белокурой кучерявой головой, на фоне черноволосых сверстников. Иногда ему перепадало на орехи от хулиганов за это, но чаще девчонки велись на его исключительность. В любом случае, Иван никогда не комплексовал по поводу цвета своей кожи или волос и глаз. Характер ему достался от отца,

бесстрашного исследователя и покорителя мира. Поэтому, когда словесных аргументов становилось недостаточно, Иван смело лез в драку, несмотря на возраст задиравшего его пацана.

По достижении четырнадцати лет отец обещал взять Ивана с собой в экспедицию на материк. Отец рассказывал, что на материке всегда туман, и неба не видно ни днем, ни ночью. В воздухе стоит зловоние и можно легко отравиться, если не посмотреть вовремя на состояние крысы в клетке. Еще отец рассказывал, что там почти нигде нет твердой земли под ногами. Только в горах. Если спуститься с гор, то под ногами будет колыхающееся зеленое одеяло растительности. По нему можно спокойно ходить, если надеть на ноги специальные широкоступы, плетеные из веток. Еще отец рассказывал об огромных жабах размером с новорожденного олененка. Иногда такие жабы принимали человека за добычу и пытались нападать.

Рассказы отца о материке всегда будоражили воображение Ивана. По ночам, прежде чем уснуть, он представлял себе, как ходит по волнующемуся зеленому «одеялу» зыбкой поверхности. Как отбивается от лягушек, затаившихся в нем, как уворачивается от бесшумных сов, пикирующих на него прямо из тумана. Он чувствовал себя героем и не мог дождаться, когда ему стукнет четырнадцать.

Иван шел вдоль берега. Вода окатывала прибрежную гальку. На глаза ему попался яркий предмет. Иван нагнулся и вытащил из затянутого песком дна приметную находку. Это была яркая пластмассовая игрушка – автомобиль. Прибой немного затер ее, но силуэт автомобиля хорошо угадывался. Иван несказанно обрадовался этому артефакту далекого прошлого. Он еще не решил, оставить его себе, или обменять на что-нибудь. Иван спрятал машинку за пазуху и прибавил ходу, торопясь домой.

Глава 1

Начало

В каждой, даже самой благополучной семье наступает момент, когда супруги чувствуют огромную неудовлетворенность друг другом. Невысказанные, а потому и не услышанные противоположной стороной обиды, неоправданные ожидания, и наконец, неудовлетворенность своими жизненными успехами приводят к тому, что семейный фундамент трещит по швам. Единственное, что его скрепляет крепче всего, это совместно нажитые дети. Вместо того, чтобы разбежаться и остаться друзьями, супруги вынуждены искать варианты для дальнейшего сожительства под одной крышей.

Семью Горбуновых, катившихся на синем универсале к подножию Уральских гор, постиг именно такой синдром. Глава семейства Егор предпринял последнюю попытку возродить между ним и его женой Тамарой хотя бы бледное подобие тех чувств, которые они испытали в студенческие годы, познакомившись на экскурсии в Черную пещеру. Совместное путешествие к романтическому месту, да еще и с детьми, по его мнению, должно было способствовать оздоровлению семейного климата.

Ровно пятнадцать лет назад, находясь в составе разных студенческих групп, они приехали к Черной пещере, и, несмотря на мрачное название, пещера разожгла в их сердцах самые светлые чувства. С тех пор Егор и Тамара всегда были вместе. Но, кажется, этому приходил конец, и Егор очень хотел, чтобы пещера снова явила свое чудесное свойство разжигать сердца.

Сборы были тяжелыми. Тамара считала затею с путешествием бредом и настаивала на том, что выходные нужно провести с большей пользой, например, съездить посмотреть новый унитаз в туалет взамен старого, ровесника их совместной жизни. Дети, двенадцатилетний Матвей и восьмилетняя Катя, отнеслись к путешествию, как к нудной обязаловке. Матвей хотел посидеть за компом, поиграть в онлайн-игрушки, а Катя просто не могла взять в толк, для чего им нужно куда-то ехать, если и дома хорошо. Однако, Егор был непреклонен. Перед самим собой он поклялся, что если из этого путешествия не выйдет ничего толкового, то он уйдет из семьи. Снимет квартиру и попробует пожить по-холостяцки. Этого ему ужасно не хотелось, но и дома было просто невыносимо.

Тамара клевала носом, на каждой кочке она просыпалась и сонно смотрела по сторонам.
– Сколько еще?

Егор сверялся с навигатором и сообщал ей об оставшемся расстоянии. Он чувствовал, как в Тамаре набирается раздражение, но хотел верить, что ей хочется того же, чего и ему. Скорее всего, так и было, иначе ее нельзя было бы уговорить отправиться в это путешествие.

Матвей всю дорогу сидел, уткнувшись в свой телефон, а Катюшка смотрела мультики на планшете, прикрепленном к подголовнику водительского сиденья.

– Пап, я писать хочу, – произнесла тоненьким голоском дочь.

Егор присмотрел растительность у обочины пороскошной и остановился. Тамара отстегнула Катю и помогла ей выбраться из детского кресла.

– Мальчики налево, девочки направо, – сказал вслух Егор, выбравшись из машины и разминая затекшие части тела.

Тамара с дочкой отправились на одну сторону обочины, а Матвей с отцом перешли на противоположную сторону дороги. Мимо проносились машины. Солнце раскалило асфальт до жидкого состояния. В воздухе не чувствовалось ни ветерка.

– Тихо и душно, как перед дождем. – Предположил Егор, выцеливая жука, спасающегося бегством от его струи.

– Ничего, в пещере переждем. – Матвей ответил без эмоций.

Для него это путешествие скорее было причудой родителей, чем каким-то приключением.

– Ну, сколько там еще ехать? – Спросила Тамара, когда все снова вернулись в машину.

– Тридцать километров, триста двадцать пять метров, – считал Егор показания с экрана навигатора. – Через полчаса будем на месте.

Из-за популярности пещеры как экскурсионного объекта еще в советское время к ней была пробита дорога. Узкая, в одну колею, с редкими разъездами. В последнее время популярность пещеры сильно снизилась. Поговаривали, что туристы здорово испоганили природный объект, и никто не хотел брать на себя усилия по приведению его в должный вид. Егор опасался за то, что дорога к пещере может быть перекрыта камнепадами, и тогда им придется идти пешком. Хотя, вряд ли, скорее придется поворачивать назад, полностью похоронив идею возродить отношения добрыми и прекрасными воспоминаниями.

Дорога шла все время вверх. Асфальт уже закончился, и по днищу барабанили камешки. Катюха отвлеклась от мультиков и с интересом смотрела на меняющуюся природу. Она впервые видела мир с такой высоты. Лесистые пейзажи шли от подножия гор до далекого горизонта. Она ткнула брата, не отрывающегося от телефона, в бок.

– Смотри, Матвей, какая красота.

Матвей поднял взгляд от экрана телефона, и еще некоторое время перегруженный виртуальным миром мозг ничего не видел. Наконец, его глаза очистились, и он разглядел естественную природу старых уральских гор. Во взгляде появился интерес.

– Красиво, – согласился он с сестрой. – А чего небо такое странное? – спросил он, смотря в заднее стекло автомобиля.

Егор посмотрел в зеркала и заметил, что на горизонте собираются какие-то странные облака.

– К дождю, наверно. Недаром такая духота, – предположил Егор, в душе немного сожалея о том, что погода портится.

– Природа против нас, – произнесла Тамара, умеющая видеть во всем дурные знаки.

– Природе все равно, у нее свои заботы, ей не до нас, – Егор не смог промолчать.

Тамара проглотила, но не преминула пустить в Егора один из своих взглядов, и в нём были собраны все те сиюминутные чувства, которые она испытывала к мужу. Егор снова почувствовал, как трещина между ним и Тамарой стала еще шире.

– У меня ушки закладывает, – пропищала Катя.

– Сглатывай, – посоветовал ей брат. – Поможет.

Катя вытянула шею и сделала гротескный глоток, словно проглотила яблоко целиком.

– Помогло? – Спросил Егор.

– Да.

Они проехали мимо небольшой запущенной беседки. Когда-то здесь останавливались туристы, фотографируясь на фоне живописных гор и не менее живописной долины, её дно разрезала тонкая полоска реки. От беседки почти ничего не осталось. Кострище посередине давало понять, на что ушла большая часть досок, из которых она была сколочена.

– Уныло стало, – произнесла Тамара.

– Да, – согласился Егор. – Все по морям стали ездить.

Дорога сделала крутой поворот и вывела на ровную площадку, где могли поместиться несколько автобусов. Именно для них она и была создана. Над площадкой стояла арочная инсталляция, сделанная в советских традициях из арматуры. Облезший щит, приваренный к ней, гласил, что это место и есть Черная пещера.

Площадка не была пустой. Одна легковушка стояла перед входом в пещеру.

– Ну вот, уединиться не получится, – Тамара снова нашла минусы.

– Да ладно тебе, может в компании веселей будет.

Егор остановил машину недалеко от края площадки. Матвей выскочил и бегом подбежал к краю. Вид был потрясающий.

– Здорово! – сказал он отцу, когда тот подошел и стал рядом.

Егор хорошо помнил тот день, когда он точно так же стоял на краю площадки и смотрел по сторонам. Тогда он испытал торжественное благоговение перед красотой природы, перешедшее в благоговение перед красотой Тамары.

Она тоже подошла к краю, держа за руку Катю. Егор украдкой следил за ней, пытаясь понять, что за чувства рождаются в ее душе. На мгновение ему почудилось, что в ее глазах мелькнул огонек, но Егор не был уверен, могло и показаться.

Вход в пещеру находился в двадцати шагах от края площадки. Все стены перед входом были либо исписаны краской, либо испорчены выбитыми в скальной породе надписями. Смотрелись надписи отвратительно, особенно на контрасте с красотой природы.

Егор экипировал семью налобными фонарями, чтобы войти в пещеру. Неожиданно из нее раздался собачий лай. Вскоре на белый свет явилась семья, которой принадлежал стоящий на площадке автомобиль. Упитанные муж с женой примерно под сорок и два таких же упитанных сыночка-двойняшки, на взгляд, ровесники Матвея. Они увидели, что не одни и направились к машине Егора, подслепло шурясь на яркий солнечный свет.

– Здравствуйте! – поприветствовал отец семейства семью Егора. – Молодость, наверное, решили вспомнить, как и мы?

Егор и Тамара переглянулись.

– Типа того, – сказал Егор, не желая распространяться об истинных причинах.

– Понятно, – покачал головой мужчина. – Там запустенье страшное.

– Да, не пещера, а отхожее место стало! – Эмоционально вмешалась супруга мужчины.

Карликовый терьер в ее руках беспрестанно ерзал, как будто его мучили глисты. Внезапно он истерично залаял, перейдя на вой, если только это можно было назвать воем. Скорее визг.

– Сейчас, маленький, домой поедем. – Женщина попыталась успокоить собаку, но пес вырвался из ее рук, неловко упал на землю, подскочил и побежал по дороге. Семья ринулась ловить собаку.

– Им полезно побегать, – произнес вслед Матвей.

– Пойдемте посмотрим, что их так напугало.

Егора начинали мучить сильные сомнения. Он уже сам видел во всем дурные знаки. Священное для него и Тамары место было загажено туристами и выглядело совсем не священным, почти как их совместная жизнь, так трепетно и возвышенно начавшаяся с этого места и совершенно засранная взаимными обидами и упреками.

Егор вошел в пещеру без былого энтузиазма. В нос ударил запах нечистот. Следовало внимательнее смотреть под ноги. Начало пещеры было узким, но метров через пятнадцать она переходила в широкий грот, разветвляющийся на несколько узких тоннелей. В молодость, все ответвления закрыли из-за потенциальной опасности камнепада, или из-за того, что кто-то мог просто заблудиться в лабиринтах ходов.

Егор нечаянно пнул бутылку. Та загремела о камни, но не разбилась.

– Смотрите внимательнее под ноги, – еще раз предупредил он семью.

Еще несколько шагов и проход перешел в огромную пещеру. Яркие пятна фонариков резко перескочили от стен к далекому потолку. Катюшка не удержалась и охнула от неожиданности.

– Какая большая! – восхитилась она, поворачивая голову с фонариком из стороны в сторону.

Пятно фонаря скакало по стенам грота, по сталагмитам на потолке и почти терялось на противоположной стороне пещеры.

Егор перед путешествием подробно продумал культурную программу. Вначале он хотел провести ознакомительную экскурсию по пещере, затем выйти на свежий воздух и приготовить шашлыки, потом снова вернуться в пещеру с готовыми шашлыками и бутылкой вина. Во время трапезы Егор рассчитывал вставлять в разговор воспоминания о том, как они с Тамарой познакомились, разбавляя подробностями, о которых Тамара может быть уже и забыла. А потом он собирался показать детям и Тамаре надпись, сделанную тайком от всех. Ее он сделал во время мучительных порывов заговорить с красавицей Томой тогда, пятнадцать лет назад. Жена ничего не знала об этом, а потому должна удивиться тому, как ее хотел добиться пылкий юноша. Вино и атмосфера должны были сформировать у супруги позитивный заряд. Главное, чтобы все прошло так, как задумал Егор.

Он поставил на пол большую лампу с мощными батареями и включил ее. Широкий пучок света выхватил из темноты приличную часть пещеры. Романтический настрой портил беспорядок вокруг. Бутылки, упаковки и прочий мусор устилал пол пещеры.

– Ну, это мы уберем, – проговорил вслух Егор. – А пока предлагаю выйти наружу и приготовить шашлыки.

Семья выбралась. После прохладной пещеры на улице казалось еще жарче и душнее. Воздух не двигался, предвещая непогоду.

Семья с собачкой еще не уехала. Отец семейства что-то пихал в багажник и потом с трудом пытался его закрыть.

– Связь пропала у всех, – крикнула вышедшим из пещеры Горбуновым упитанная мамаша. – Прямо посереде разговора.

Егор вынул из кармана телефон. Связи действительно не было. У жены и детей тоже. Егор догадался, что где-то в районе ближайшей вышки отрубился свет, и это, скорее всего, из-за непогоды, которая вот-вот доберется и сюда.

– Я думаю, там, за горой, гроза идет, из-за нее и света нет.

– Ах, вот почему наш Тотошка так нервничает. Он до ужаса боится грома, – посетовала мамаша, приглаживая хвостик на голове собачки.

– Ладно, мы поехали, – отец семейства, наконец, захлопнул крышку багажника. – Приятно было познакомиться.

Он уселся за руль. Машина качнулась под его весом. Мужчина погудел клаксоном на прощанье. Егор и Тамара помахали им вслед.

Странное что-то творилось в природе. Егор обратил внимание, что ему приходится постоянно сглатывать, чтобы убрать заложенность ушей. Жена и дети тоже жаловались на то, что у них постоянно закладывает уши. Егор списал это на более разреженный воздух в горах.

Командир лодки, капитан первого ранга Татарчук выбрался на свежий воздух, чтобы лично убедиться в странном прогнозе погоды, полученном от метеоспутников. От горизонта и до горизонта стояла ясная погода. Воды Атлантики мягко окатывали округлые черные бока судна. Внешне ничто не предвещало непогоды. Командир пробубнил под нос свое мнение о работе метеорологов, вспомнив недавнее фото с игральными костями, на сторонах которых вместо точек были нарисованы схематичные изображения погоды: солнце, дождь, туман, ветер. Подпись под фото гласила, что это основной инструмент метеоролога. Судя по погоде, стоявшей в северной Атлантике, так и было.

Татарчук вспомнил про ветра и шторма в Северном Ледовитом океане. Как они огибали Скандинавию и слышали сигнал бедствия от рыбацкого судна. Но помочь нельзя. Миссия корабля была совершенно секретной, и светиться не разрешалось, даже с благородной целью. Впереди их ждало Северное море, в котором требовалось проверить флот Её Величества на способность обнаружить российскую АПЛ вблизи ее берегов.

Англичане дружно проморгали огромный корабль в своих водах. Выполнив первую часть миссии, лодка направилась к американским берегам. Всплывать на поверхность они не собирались, и если бы не странный прогноз, то весь маршрут проделали бы под водой.

Три офицера стояли рядом с командиром. Они так же недоуменно смотрели по сторонам, пытаясь сопоставить то, что они видели собственными глазами, с тем, что обещал прогноз.

– Ну разве что тихо очень, – заметил капитан-лейтенант Гренц.

Но подлодка не стояла на месте и ветерок, вызванный ее движением, обдувал людей. Если бы она остановились, то экипаж заметили бы сразу, что воздух не движется совсем. Водная гладь вокруг скорее напоминала поверхность озера в тихую погоду, чем океана.

– Ладно, погружаемся. – Приказал Татарчук.

Офицеры поднялись по «отливу» к люку. Последним забрался в него сам командир подводной лодки. Он бросил последний взгляд в сторону горизонта, прямо по маршруту. Ему показалось, что какая-то темная полоса протянулась вдоль всей его линии.

– А ну-ка, принесите мне бинокль, – попросил он Гренца.

То, что можно было принять за игру воображения, вызванную движением нагретого воздуха, на самом деле оказалось чем-то более осязаемым. Темная полоса была похожа на приближающийся грозовой фронт. Прогноз не врал. Единственной странностью надвигающейся грозы выглядело отсутствие вспышек молний. Командира это удивило, но не напугало. В конце концов, он не метеоролог и не обязан знать, как устроены грозы в северной Атлантике.

Перед тем, как закрыть люк, он увидел, как по воде пробежала рябь от ветра. Зайдя в рубку управления, Татарчук заметил волнение на лицах дежуривших офицеров.

– Что стряслось? – спросил он, занимая свое место.

– Товарищ капитан, там это, с других подлодок идут странные передачи...

– Какие еще передачи? – перебил командир офицера.

– У берегов Америки начался сильный ураган. Они говорят, что корабли уносит в океан ветром.

– Понятно. Значит, прогнозы не врут, как ни странно. Что, прям так и уносит, как пиратские каравеллы? – иронично, не по уставу, переспросил командир.

– Мы получили сообщение открытым текстом с «Корейца». Они говорят, что ураган начался внезапно. Было тихо, и вдруг поднялся ветер. Перед этим в эфире случилась некоторая паника на американских кораблях. Но на «Корейце» посчитали, что это свойственно американцам, по любому случаю, на который нет инструкций, устраивать панику.

– А потом? – Татарчуку уже не терпелось услышать продолжение.

– Потом, начался ураган, и американский флот понесло в открытый океан.

– Ну-ка, включите мне эфир. Что там сейчас говорят? – Татарчук обернулся к другому связисту. – Что там наш штаб на это говорит?

Молодой офицер, для которого этот выход был первым, принялся рьяно исполнять приказание. Эфир подключили к громкой связи, и тесную рубку наполнил шум переговоров. Не надо было быть лингвистом, чтобы понять, что тон переговоров звучал испуганно, местами даже истерично.

– Кто понимает, что они говорят? – Татарчук обвел взглядом команду.

– Э-э-э-э... трудно разобрать, мешается всё в одну кучу. Только матерятся понятно, – ответил старший лейтенант Ляхов, знающий английский.

– Это мне и без тебя слышно, что матерятся, конкретнее скажи.

– Говорят, что флота у них больше нет...

В этот момент в лодку врезалось что-то. Удара не было, но ее качнуло градусов на тридцать. Все, кто не держался, попадали. Через несколько секунд по обшивке загремела частая дробь, словно лодка попала под град. Татарчук кинулся к офицерам, управлявшим лодкой.

– Что? Что происходит? Что это за хрень?

Никто не знал, что ответить командиру.

– Мы меняем курс, – ответил один из вахтенных офицеров. – Нас сносит.

– Как так, сносит? – Татарчук не мог представить, что течение может что-то противопоставить мощному двигателю судна. – Что там со штабом? – наконец вспомнил он про свое распоряжение.

Молодой офицер передал наушники командиру.

– Всем флотам! Чрезвычайная ситуация! Ураган движется с запада с примерной скоростью триста километров в секунду. Субмаринам уйти на максимальную глубину, надводному флоту стать против ветра. О получении приказа доложить.

– Капитан первого ранга Татарчук, АПЛ «Пересвет», приказ принял. Начинаем погружение, – Татарчук снял наушники. – Погружаемся на четыреста метров, – отдал он приказ.

К тому моменту, когда командир оторвался от наушников, стало ясно, что корабль не управляется. Его постоянно кренило из стороны в сторону. За шумом барабанной дроби, причина которой была еще не ясна, слышались натужные скрипы корпуса лодки, испытывающего колоссальные перегрузки. Зашумели цистерны, набирающие воду. С каждым метром погружения дробь по корпусу стихала, и лодка все лучше откликалась на руль.

Все офицеры в рубке молча ждали, когда судно наберет максимальную глубину. По громкой связи все еще слышался английский мат. Никто не хотел оказаться сейчас на поверхности океана. Связь начала теряться. Голоса забило шумом и вскоре они затихли совсем.

– Триста метров в секунду, это сколько, если на километры в час перевести? – спросил Гренц.

Он не стал дожидаться, когда ему ответят, взял листок и перевел в более понятные единицы. Его глаза округлились, когда он получил результат. Офицер еще раз перепроверил себя.

– Тысяча километров в час? – сказал он ошарашено. – Этого не может быть!

Его перепроверили. Цифры сошлись. Все офицеры, что находились в рубке управления, молча уставились на командира корабля. Татарчуку пришлось скрыть внутреннюю неуверенность за командирским тоном.

– Не бздеть, товарищи. Это не третья мировая, как-нибудь переживем этот ураган. На такой глубине он нам совсем не страшен. К тому же, вы все слышали, американцы сказали, что у них теперь флота нет, – Татарчук снял фуражку и вытер пот с лысой головы платком и добавил. – Природа за нас.

По корпусу все же иногда раздавались удары. Они слышались реже, и звук удара был слабым. Пришло время обеда, но расходиться никто не собирался. Татарчук барабанил пальцами по стойке. Акустики слушали окружающее пространство, заполненное несвойственным ему шумом.

– Виктор, посчитай, пожалуйста, за сколько часов ветер дойдет до России, если не потеряет силу.

Просьба была направлена Терехину Виктору, капитану второго ранга, товарищу по жизни и заместителю по службе. Терехин взял в руки авторучку, листок бумаги.

– На какой широте мы находимся? – спросил он у офицера, управляющего лодкой.

– На тридцати градусах.

Терехин подошел к карте, висящей на стене, и отмерил линейкой расстояние.

– До Москвы мерить?

Татарчук утвердительно кивнул. Терехин вымерил расстояние и перенес числа на листок. Сделал подсчет.

– Примерно через шесть с половиной часов. Вернее, через шесть, потому что все началось полчаса назад.

– Ерунда какая-то, – в сердцах произнес Татарчук – Не может такого быть.

Он замолчал. В наступившей тишине слышны были гулкие удары по корпусу субмарины.

– Дежурным остаться в рубке, остальные по своим местам. Донести команде о чрезвычайной ситуации, но без лишних эмоций.

Погода над Тихим океаном в районе Гавайских островов была безоблачной. Джейн зажмурилась и представила себя на белоснежном пляже. Никакой работы, только песок, нежно-теплая вода океана и отличный коктейль, чтобы расслабиться. Джейн решила для себя, что как только она пройдет все процедуры по адаптации к силе тяжести, сдаст весь научный материал, собранный за время работы на МКС, то сразу отправится на Гавайи. Она была в детстве, вместе с родителями на острове Мауи, и с тех пор картинка с белоснежными пляжами прочно засела у нее в памяти, всякий раз напоминая о себе, когда телу требовался отдых.

Коллеги-космонавты из России находились в своем модуле, где занимались совершенно непонятными для Джейн опытами. В одиночестве она могла позволить себе побыть маленькой девочкой. Джейн уткнулась носом в иллюминатор, расплющив его о прохладное стекло. На острова легла красная полоса заката, отразившись в океане. Джейн представила, как красиво это смотрится с земли. Гонолулу обозначился ярким пятном загорающихся огней.

Внимание Джейн привлек облачный фронт, формирующийся севернее Гавайских островов. Она готова была поклясться, что его не было минуту назад. Но могла и просмотреть, увлекшись мечтами об отдыхе. Земля пропала из иллюминатора, и некоторое время в нем виднелись только мерцающие звезды в бесконечной тьме космоса. Снова яркий диск планеты показался в круглой амбразуре иллюминатора. Джейн уже ждала, когда появится тот самый атмосферный фронт. За время нахождения на борту станции она сотни раз наблюдала формирование ураганов и была уверена, что этот фронт не походил ни на один прежний.

Снова показался океан, окрашенный багрянцем заката. Огоньков на островах стало больше. В иллюминатор вошел край вытянутой облачности. У Джейн глаза чуть не выскочили из орбит. За минуту, что станция совершала оборот, участок облачности увеличился вдвое. Как такое могло произойти? Вытянутый облачный фронт совсем не походил на формирование урагана, закручивающегося спиралью. И уж точно он не набирал силы с такой скоростью.

– Хьюстон, это Джейн Оукленд, не подскажите, что за хрень начинается к северу от моих Гавайских островов? Готова поклясться, что эта штука растет на глазах. Скажите мне, что американский флот производит учения с дымами.

– Привет, Джейн. Это Чак. Мы знаем не больше твоего. Метеоспутники зафиксировали природные аномалии там, где ты сказала. Локальное увеличение атмосферного давления, больше тысячи миллиметров ртутного столба. С чем это связано, мы пока сказать не можем. Не удивлюсь, если это военные балуются с климатическим оружием.

– Как не вовремя они затеялись с ним. Я только размечталась об отпуске на пляжах Мауи.

– Забудь. Наш босс считает, что ты и так в отпуске. По возвращении тебя ждет целая гора работы.

– Не напоминай мне об этом.

Пока Джейн разговаривала с ЦУПом, станция совершила три оборота. Джейн снова глянула в иллюминатор, в котором показалась Земля. Гавайи погружались в ночь, и на этом темном фоне, отражая свет заходящего за горизонт солнца, разрасталось огромное красное пятно. Джейн кольнул в сердце суеверный страх. Пятно очень напоминало расходящийся по лесу пожар.

– Чак, пятно растет! Что говорят станции метеонаблюдений?

– Подожди, сейчас проверю.

Чак выпал из эфира на долгие пять минут. Все это время девушка провела возле иллюминатора. Она видела, что пятно растет на глазах. Джейн представила, с какой скоростью движется атмосферный фронт, если это хорошо заметно из космоса. Можно было отнести это

явление к какому-нибудь оптическому феномену, что, скорее всего, так и есть, но внутренний голос девушки подсказывал, что одной иллюзией здесь не обойдется.

– Джейн, Джейн! – раздался встревоженный голос Чака.

Его встревоженное лицо появилось на мониторе. Все чувства красноречиво проявлялись на нем, поэтому Джейн сразу забыла про оптическую иллюзию.

– Что это, Чак?

– Это формирующийся ураган, но природа его формирования совсем не связана с потоками горячего и холодного воздуха. Это что-то новое. И ты знаешь, связь прекратилась со всеми, кого он уже накрыл. Я смотрел снимки со спутников, это что-то нереальное. Фронт вытянут. Я не могу взять в толк, как там формируется ветер.

– У меня те же вопросы, Чак. Я перевидала много погодных аномалий, но это самая непонятная.

– Ты сейчас видишь его?

– Нет, уже ушла. Минут через сорок буду.

– О'кей, тогда через сорок минут выйдем снова на связь. А пока я подключусь к обсуждению этого явления с коллегами. Ты не представляешь, какой срач начался у них по поводу причин этого урагана.

– Да начнется срач, Чак. Удачи!

Экран потух. Джейн немного успокоилась после разговора с коллегой. Ей подумалось, что ученые смогут понять причины погодной аномалии и как-то повлиять на нее. Джейн вдруг стало скучно, и она отправилась на российскую половину станции. Семен и Игорь сосредоточенно пялились в приборы и не сразу заметили бесшумно влетевшую к ним девушку.

– Привет, задроты. Как успехи?

– Привет, Джейн. Все по плану, согласно утвержденного графика, – ответил Семен.

– Пока вы тут пялитесь непонятно куда, на нашей планете происходят всякие чудеса.

– Ты о чем? – не понял Игорь.

Он одним глазом смотрел на Джейн, а вторым пытался следить за приборами.

– В Тихом океане начинается какой-то странный ураган. Я его увидела с самого зарождения. Небо было чистым, и вдруг начал формироваться облачный фронт. Он стал расти с невероятной скоростью. За несколько минут увеличился в разы. Ваши не выходили на связь?

– Нет, но мы можем сами их спросить.

– Спросите, очень интересно, что они знают по этому поводу.

– Ну, хорошо.

Игорь Кружалин включил связь. На экране появился дежурный ученый.

– Привет, Михаил. Не по графику. У нашей американской коллеги есть вопросы по поводу необычного формирующегося урагана в Тихом океане, ты что-нибудь слышал об этом.

– Привет, Игорь. Не то слово, слышал. У нас уже срочное совещание по этому поводу. Всех собрали, как будто третья мировая началась. Там онлайн все сидят. Не знаю, насколько все серьезно, и чем может это грозить нам. Это их хлеб, пусть сидят, обсуждают, а у меня еще четыре часа до конца смены, а потом два дня выходных.

– Несознательный ты ученый, Михаил, – пошутил Игорь.

– Зато сознательный рыбак. Давай, до связи. Будет что важное, обязательно расскажу.

– Хорошо, Михаил, до связи.

Джейн во все глаза смотрела на Кружалина. Она знала немного русский, но беглую речь воспринимать не успевала. Ей очень хотелось узнать, о чем рассказал коллега Кружалина.

– Ничего внятного мне не сказали, но проблема, по всей видимости, серьезная. Ученые со всего мира гремят котелками, пытаются понять, что за аномалии происходят. Ты не расстраивайся Джейн, – Кружалин заметил на лице девушки тень печали. – Все будет хорошо. Мало ли, что происходит на Земле каждый день. Глядишь, к следующему обороту все будет хорошо.

Джейн посмотрела на часы. Она ничего не ответила, просто уплыла на свою половину станции.

К следующему обороту ничего не изменилось. Наоборот, стало еще хуже. Над Гавайями уже сгустилась ночь. Пятна городов мерцали во тьме. Все было достаточно мирно, если не считать приближающегося к ним темного пятна странного урагана. В голове девушки не укладывалось, как он мог двигаться с такой скоростью.

Джейн пригляделась и отметила, что форма урагана изменилась. Если сорок минут назад он больше походил на веретено с утолщением в центре, с краями, направленными строго в стороны полюсов, то теперь он приобрёл форму трапеции. Причем основание ее находилось на том же месте, что и раньше, а сторона противоположная основанию, росла на восток.

Раздался стук, а потом в отсеке показалась голова Игоря.

– Можно?

– Заходи. Есть новости?

– Да, есть. Они не очень хорошие. Спутники фиксируют ветер, который движется со скоростью триста метров в секунду.

Джейн окатило холодной волной с головы до ног.

– Но этого не может быть. Откуда он взялся?

Она прильнула к иллюминатору. До нее вдруг дошло, что сторона трапеции,двигающаяся на восток, и есть тот самый ветер. Кружалин посмотрел из-за головы девушки. То, что он увидел, сильно впечатлило его. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что с подобными природными явлениями им сталкиваться еще не приходилось.

Джейн попыталась связаться со своим ЦУПом.

– Хьюстон, ответь. Что у вас происходит?

Экран горел, но дежурного у него не было. Позади рядов столов и кресел показалась бегодня.

– Эй, Хьюстон, что у вас там за хрень происходит? – голос Джейн задрожал.

Кто-то по ту сторону экрана услышал ее крик и подбежал к переговорному устройству.

– У нас эвакуация, мисс Оукленд. Никакой организации, поэтому, боюсь, что с вами некоторое время не будут поддерживать связь. Извините, но мне надо бежать, успеть спрятать семью.

Джейн не помнила, как звали этого человека. Видела его пару раз. Он даже не стал отключать экран связи, позволив наблюдать, как в панике бегают люди. Джейн вспомнила про родителей, и ей очень захотелось сообщить им об урагане, чтобы они успели спрятаться. Им позволялось иногда общаться с родителями через интернет, но для этого требовалось заблаговременное согласование с начальством. А ему, видимо, сейчас было не до того.

Игорь почувствовал, что творится на душе у Джейн.

– Кто у тебя там? – спросил он, понимая, о чем беспокоится девушка.

– Родители, они у меня живут в пригороде Сан-Франциско.

– Хочешь, попробуем дозвониться до них через наш ЦУП?

– Спасибо, Игорь, буду признательна.

В российском ЦУПе паники было меньше, но беспокойство все же ощущалось.

– Игорь, с погодой происходит что-то необъяснимое. Атмосферное давление перед фронтом падает очень сильно. Как это происходит, непонятно, но это способствует тому, что ветер набирает огромную скорость.

– Михаил, скажи, ты можешь помочь Джейн позвонить ее родителям? Они живут у нее на западном побережье. Она очень переживает за них, а с Хьюстоном действительно проблемы.

– Минутку, сейчас до сисадмина дозвонюсь.

Михаил с кем-то пообщался, без микрофона.

– Да, можно, три минуты, набирайте адрес.

Компьютер у родителей ответил почти сразу. Мать Джейн, разбивающаяся слабой связью на квадратики, взволнованно обратилась к дочери.

– Привет, Джейн. У нас тут черт-те что происходит. Все куда-то едут из города. На дорогах пробки. По телевизору сказали про ураган, но мы-то с отцом знаем, когда он начинается. На небе ни облачка. Не знаю, что эти власти снова удумали?

– Мама, мам, на этот раз власти не ошиблись, ураган идет, и он будет очень сильным. Прячьтесь с отцом и ждите, пока все не закончится. Еды с собой возьмите, зарядите телефоны. Все очень серьезно, мне отсюда все хорошо видно.

– Хорошо, Джейн, мы спрячемся в подвале. Хотя я думаю, что нашему каменному дому ни один ураган не страшен. Сколько всего он пережил, и даже в восемьдесят девятом ему ничего не сделалось. Отца будет трудно затащить в подвал. Он у тебя такой упертый, как осел.

– Mam, я на вас рассчитываю, вы умные и сделаете, как надо. У меня мало времени, русские дали три минуты. Приятно было повидать вас, и надеюсь, что вы поступите правильно. Пока, целую тебя и папу.

– Пока Джейн, мы тоже тебя целуем. Не сиди близко от окна, а то просквозит.

Экран сменился картинкой ЦУПа.

– Прости, Джейн, время истекло. Позовите Семена, у нас для него будет кое-какая информация. Конфиденциально, – Михаил сделал упор на последнем слове.

Джейн все поняла и улетела в свой отсек. Она немного успокоилась и почувствовала, как у нее разыгрался аппетит. Какой-то витаминный салат с сильным привкусом брокколи, а потом и жареная курочка из тюбика успокоили нервную систему. Джейн решила, что паниковать бессмысленно, и будет лучше, если она займется своей работой.

Егор установил мангал, насыпал в него углей, полил их жидкостью для розжига и уже собирался поднести спичку, как воскликнула Катюшка.

– Ой, а у меня кровь из носа идет! – дочь подняла к глазам руку в крови и сморщилась, готовая заплакать.

Тамара подскочила к дочери.

– Ой, Катюшка, запрокинь голову. Егор! Принеси аптечку!

Егор стрелой кинулся к машине. В душе у него уже появилось предчувствие, что путешествие сюда было дурацкой затеей. Ничего хорошего из него не выйдет. Егор схватил аптечку и бегом вернулся к жене и дочери. Вынул из него вату и отдал жене. Сам взял гипотермический пакет и раздавил его содержимое. Пакет стал холодеть на глазах.

– Приложи к переносице, – попросил он Катю.

Девочка послушно взяла пакет, и пока мать вытирала ей ватой кровь, положила его на лицо.

– Как чувствовала, что не стоило ехать сюда. Нет же, послушала тебя, и получилось, как всегда, – приговаривала Тамара.

– Я хотел, как лучше. Может быть, мы со смехом будем вспоминать наши приключения еще через пятнадцать лет, – пытался оправдаться Егор.

– Это вряд ли. Собираемся и едем назад, – жестко сказала жена.

– А шашлык? Мясо ведь замариновали столько?

– Ты не видишь, что Катюшке не до шашлыка? Да и я что-то потеряла аппетит. Нет никакого желания продолжать это путешествие. И не стоило на него соглашаться.

– Mam, а мне здесь нравится. Может, у Катюшки больше не будет идти кровь? – Матвей, кажется, отошел от городской зависимости.

– Может, не может. Мы вдалеке от цивилизации, случись что, и некому будет помочь. До ближайшей больницы почти двести километров!

– Mam, не переживай, я хорошо себя чувствую. Смотрите, уже и ветерок подул.

Листья деревьев на самом деле зашелестели. Духота сразу спала. Тамара встала и задумалась. Ее лоб прорезала глубокая складка, губы поджались. Егор часто видел такой жену, и стерпеть эту напряженную позу было тяжелее, чем согласиться с ней.

– А может, мама права? Может, домой?

– Нет! – к общему удивлению Матвей высказался против материнского решения.

Он отвернулся ото всех и решительно направился на край площадки.

– Mam, я хочу посидеть в пещере со светом, – подлила масла в огонь дочь.

На лице Тамары удивление сменилось размышлением.

– Только не жалуйтесь мне потом, что вам здесь не так комфортно, как дома.

Её ответ стал сигналом к тому, что можно поджигать угли. Огонь вспыхнул и заметался под легкими порывами ветра.

– Пап! Mam! Смотрите туда! – Матвей стоял на краю площадки и указывал рукой куда-то вправо.

– Иди, глянь, – сказал Тамаре Егор, начиная насаживать маринованные кусочки свинины на шампуры.

Катюшка осталась с отцом. Её очень интересовал процесс приготовления шашлыка.

– Пап, а можно я сама их на мангал положу? – спросила она.

– Разумеется, Катюх. На, бери эту палочку и клади на самый краешек.

– Его-о-ор! – тревожно крикнула Тамара.

Егор вопросительно посмотрел на неё. Он заметил, что ветер уже не просто колышет листья, а начинает их трепать как следует.

– Кать, смотри, чтоб под палочкой огня не было, а я пойду к маме подойду.

– Аха, поняла.

Егор подошел к жене с сыном.

– Смотри, что это?

Тамара указывала на линию горизонта, правее того места, которое не загоразивала гора. Примерно туда, откуда они приехали. Горизонт был черен.

– Гроза будет, – констатировал явление Егор. – Может, мангал пока не поздно в пещеру занести.

– Занеси, а то мы и шашлыков не поедим.

– Матвей, пошли, поможешь мне.

Катюшка стояла у костра и старательно вертела единственную палочку шашлыка. Из носа у нее торчали кусочки ваты, делая ее сосредоточенный деловой вид смешным. Егор взялся за ножки мангала с одной стороны, сын с другой, и пятясь спиной, они вошли в пещеру. Егор включил налобный фонарь и постоянно оборачиваясь, подсвечивал себе дорогу. До грота они добрались, ни разу не споткнувшись.

– Матвей, я пойду принесу мясо и шампуры, а ты пока разгреби мусор вокруг мангала, не дай бог загорится еще от углей.

Когда Егор подходил к выходу из пещеры, он услышал протяжный вой, идущий снаружи. Он напоминал работу реактивной турбины. Егор ускорился и выбежал. На улице творилось светопреставление. Мощный ветер, подняв с земли все, что можно сорвать, нес по воздуху. Коричневый от пыли, песка, старой листвы и прочего ветер с чудовищной скоростью пронесся над землей. Казалось, что его скорости хватит сорвать с земли взрослого человека.

Егор испугался за жену с Катюшкой. На площадке их не было и порыв страха, выступивший на лбу испариной, заставил его метнуться к краю площадки. Взгляд Егора скользнул по машине, и к сильному облегчению он заметил, что через стекло, приплюсившись к нему носом, на него смотрит дочь. Егор сменил траекторию и подбежал к машине. Он успел заметить, как ветер буквально отрывает его от поверхности. На памяти Егора таких сильных ветров не было ни разу.

– Слава богу, вы здесь. Чёрт-те что творится в природе, – облегченно сказал Егор, увидев, что и Тамара сидит на заднем сиденье. – Что? – жена была бледная, как полотно.

– Я... я... видела, как пронесло... машину красную, прямо по воздуху, – сказала она, разделяя слова, словно контуженная.

– Да показалось, наверное, – успокоил ее Егор.

Он завел машину и подогнал ее вплотную к входу в пещеру.

– Открывай дверь и сразу в пещеру, – приказал он своим женщинам.

Тамара взяла за руку дочь и, приложив усилия, чтобы открыть дверь, выбралась наружу. Ветер поднял в машине все, что было не закреплено. Егор отметил, что с того момента, как он вышел из пещеры, ветер усилился еще. Деревья, росшие по краям площадки, стояли почти голые, без листвы.

Егор подтолкнул дверь плечом, преодолевая сопротивление ветра. Порыв стихии ударил так сильно, что двинул автомобиль. Если бы Егор не ухватился за ручку двери, то был бы сбит им. Тамара с опаской смотрела на попытки мужа прихватить ведро с маринованным мясом, которое ветром прижало к самой скале.

Она что-то прокричала. Егор не расслышал, но понял, что ему предлагают плюнуть на мясо и вернуться в безопасное пространство пещеры. Егор не мог так поступить. Он слишком много вложил в этот шашлык. Смекнув, что ветер у самой скалы немного тише, Егор обошел машину и приставными шагами направился к ведру.

Егор готов был поклясться, что ветер усиливается с каждой секундой. Если раньше он видел дорогу, ведущую к площадке, то теперь только край площадки, а за ней расстилалась одна коричневая мгла. Раздался треск и дерево, растущее на краю площадки, сломалось пополам. Верхняя половина не упала на землю, а болталась на ветру, как флаг. В этот момент Егору стало по-настоящему страшно. Он схватил ведро, и торопливо направился в пещеру.

– Вот ты дурак! – с ходу поприветствовала его Тамара.

Но вместо дальнейших оскорблений она прижалась к груди мужа.

– Мы с Катькой испугались за тебя, дался тебе этот шашлык!

– Простите, девчата, я на все могу наплевать, но только не на шашлык.

– Пап, это хулиганство, – сказала Катюшка отцовскими же словами.

– Ладно, понял, больше не буду.

Егор посветил фонарем в ведро. Вместо шашлыка на поверхности блестел мокрый мусор.

– Вот же гадство, а, – Егор зачерпнул с поверхности мусор и отбросил его в сторону. – Такое мясо испортил!

– Как думаешь, надолго этот ураган? – спросила Тамара, глядя на беснующиеся силы природы.

– Я не специалист по ураганам, но мне кажется, что это явление скоротечное, в наших краях, по крайней мере.

– Я такого ветра никогда не видела, – произнесла Тамара.

– Я пока шел за этим шашлыком, подумал, что мы в центре смерча. Не может ветер с такой скоростью двигаться широким фронтом.

– Нам, может, машину привязать к чему-нибудь, чтобы не унесло ветром? – предложила Тамара.

Егор глянул на свой автомобиль. Порывы ветра шатали его из стороны в сторону. Не бог весть какой это был автомобиль, разменявший второй десяток, но Егор уже сроднился с ним и считал его членом семьи.

– Подожди, я сейчас.

Егор снова выскочил наружу и прямо у входа упал, сбитый ветром. Тамара и Катюшка ахнули.

– Все нормально! – прокричал им Егор, ухватившись за колесо.

Егор просунул пальцы в отверстия на диске и подтянулся к машине. Примерно в метре от стены существовала некая мертвая зона, где ветер слабел, но дальше ветер просто срывал с места. Края площадки уже не было видно, как и того поломанного дерева. Ветер выл на такой низкой ноте, что этот вой резонансом расходился по корпусу автомобиля. Егор, не вставая, открыл ключом багажник и нащупал там трос. По-быстрому вставил его в проушину и ползком вернулся в пещеру. Когда Егор почувствовал себя в безопасности, он позволил себе немного полюбопытствовать, рассмотреть природную стихию в подробностях.

На смерч это не было похоже. Огромная скала, в которой и находилась пещера, была в диаметре намного больше любого смерча. Следовательно, смерч никак не мог крутиться вокруг нее. Да и не случилось на его памяти никаких смерчей в этой местности. Получалось, что это был ветер, ураганный ветер невероятной силы, и на равнине он должен был быть еще сильнее, так как пещера находилась с подветренной стороны. Егору хотелось верить, что стихия имела локальный характер и случилась только в этом, относительно безлюдном месте.

– Идите к Матвею, возьмите мясо и попробуйте сделать с ним что-нибудь.

Девчонки повиновались. Есть такая у женщин черта – в сложной ситуации они становятся очень понимающими и исполнительными. Егор осмотрелся в поисках чего-нибудь к чему можно прикрутить обратный конец троса. И нашел. Старая ржавая петля от ворот, закрывавших когда-то вход в пещеру. Петля еще крепко держалась в скальной породе. Егор привязал конец троса к ней.

В пещере уже стоял запах дыма, пропитанного ароматом маринованного мяса.

– Ничего, придется немного похрустеть песком, – сказала Тамара, надевая на шампур очередной кусок мяса. – Зато будет что вспомнить.

– Что, там правда такой ветер, как девчонки рассказывают? – спросил Матвей, не отходявший от мангала.

– Ты чего, там ураган, дерево сломалось, – пропищала в нос Катюшка из-за вставленных в нос ватных тампонов.

– Хотелось бы верить, что ветер только в горах, иначе на равнине он много бед наделает. Мы даже не представляем, насколько он сильный, потому что скала защищает нас от его настоящей мощи. А что ты говорила про красный автомобиль? – переключился Егор на жену.

– А, я думаю, померещилось. Игра воображения. Мне почудилось, что ту красную машину пронесло по воздуху. Теперь я не уверена, что это было на самом деле. Наверное, это у меня от испуга воображение разыгралось.

Разговоры про ураган прекратились и всё семейство, изрядно проголодавшееся за долгое путешествие, ждало, когда приготовится мясо. Только Егор чувствовал, как нарастало беспокойство. Вибрации передавались по телу скалы на мангал. Он переворачивал шампуры и чувствовал мелкую дрожь, исходившую от корпуса мангала. Что за сила была у ветра, способного заставить дрожать скалу? Его успокаивало только то, что таких случаев не было засвидетельствовано на всем протяжении жизни людей в этих краях. Виду Егор не подавал. Даже наоборот, старался выглядеть как можно более беззаботным.

– А с песком шашлык даже немного вкуснее, пикантнее, – пошутил Егор, гоняя по рту горячий кусок свинины. – Можно уже снимать.

– Ура! – прогундосила Катя.

– Тамар, вынь ей ватку из носа, а то она глотать не сможет.

Через два часа пропала связь с Хьюстоном. Напрочь. Над Америкой еще лежала ночь, и только восточное побережье начало озаряться рассветом. Над западной частью всего североамериканского континента лежала тьма. Абсолютная, жуткая. Джейн привыкла к тому, что пролетая над родиной, она угадывала по размерам огней города. Все западное побережье от

Сан-Франциско до Сан-Диего светилось ночами напролет, и еще рядом с ними переливался бриллиантом в ночи Лас-Вегас.

Но этой ночью западное побережье было погружено во тьму. Полоса, разделявшая континент на две половины, четко прослеживалась.

– Что у вас там происходит? – спросила себя девушка.

Сделала она это вслух, потому что ей ответили.

– Джейн, – в голосе Кружалина чувствовалась тревога. – Спутники передают, что скорость ветра даже превышает триста метров в секунду.

– Игорь, я не совсем представляю себе такую скорость. Это очень опасно?

– Да. Теоретически, ветер с такой скоростью не оставит шансов человечеству. Он все разрушит, а то, что разрушит, раздробит и измельчит и этим отполирует поверхность земли как наждаком.

– Ужас. А что говорят ваши метеорологи, скоро этот ураган закончится? Он уже накрыл пол Америки.

– Они сами не знают. Есть еще один момент, который несет с собой этот ураган.

– Что еще?

– Он выдувает воду из океанов.

– Как это? – Джейн не смогла сразу взять в толк, о чем говорит Игорь.

– Скорость ветра высокая и ему хватает сил сдувать часть воды с поверхности океана.

Наши ученые предполагают, что там, где сейчас бушует ураган, происходит самый настоящий потоп.

– Как, потоп?! – Джейн встrepенулась. – Не может такого быть! Этого же никогда не случилось!

– Извини, Джейн. Это всего лишь теория.

– Теория! Нахрена её выдвигать, если не уверен в ней? – Джейн свернулась клубком, прижавшись лбом к коленям. – А я ведь попросила родителей спрятаться в подвал!

– Джейн, прости. Я не подумал об этом. Уверен, с ними все будет хорошо. Как только прекратится ураган, первым делом попробуем справиться о твоих родителях.

Джейн ничего не ответила. Она снова подплыла к иллюминатору и уткнулась в него носом. Игорь поспешно удалился, почувствовав, что девушке хочется побыть одной.

Игорь знал, что увидит, когда лучи солнца осветят страшную картину конца мира. Спутники докладывали всю информацию о происходящем на земле. Атмосферный фронт урагана одной стороной уперся в Гренландию, а другой почти достиг самой Антарктиды, замерев примерно в восьмистах километрах от ее побережья. Темная однородная пелена ветра начиналась, как и прежде, на долготе Гавайских островов, а обратная сторона накрывала последние километры Северной и Южной Америки.

Игорь и его коллега Семен не могли понять, какая сила питала этот ураган. Никаких видимых предпосылок к нему не было, да и сам характер урагана совершенно не типичен для атмосферных явлений планеты. Мог ли он закончиться так же, как и начался, было неясно. Начальство заставило их документировать все этапы природной стихии и соотносить с показаниями метеорологических спутников. В какой-то момент Игорь решил, что его начальство очень большие оптимисты, раз считают, что после того, как ураган пройдет по планете, их записи еще будут кому-то нужны.

Стихия накрывала планету словно одеялом. Фронт равномерно наступал по всей планете, закрывая от людских глаз все, что происходило под непрозрачным покрывалом. ЦУП докладывал, что связь прекращалась почти сразу, как только передний край урагана достигал передатчика. Телеканалы и радиостанции, вещаемые из обеих Америк, отключились, и можно было только догадываться, какой силы стихия господствует там.

Эта мысль ввергала в ступор Джейн Оукленд. Она висела напротив иллюминатора, но со стороны казалось, что она не смотрит в него. Он был ей нужен, как гипнотизер, для того чтобы ввести девушку в транс. Джейн держала в руках салфетку, время от времени прикладывая ее к глазам, из которых непроизвольно лились слезы. Салфетка уже перебрала критическую влагоемкость и когда Джейн сжимала ее, шарики слез проступали между пальцами и кружились рядом.

– Здесь скоро начнется гроза, – тихо произнес Игорь.

Он приплыл в отсек, чтобы успокоить Джейн, но когда увидел ее в таком состоянии, понял, что какое-то время лучше девушку не трогать. Он вернулся к себе. Семен рассматривал на мониторе показания, которые ему отправили из ЦУПа. Там было то же самое, что и час назад, кроме координат переднего края наступающей стихии. Скорость ветра выровнялась на отметке двухсот восьмидесяти пяти метров в секунду. По меркам природного явления эта скорость приближалась к скорости распространения звука в воздухе. В это нельзя было поверить, если бы Игорь не видел своими глазами.

Виктор Терехин находился в свободной смене. Он прошел в офицерский камбуз. Младшие офицеры расположились там. Они вполголоса переговаривались. По обрывкам фраз капитан второго ранга догадался, что они строят свои теории насчет того, чем было вызвано внезапное погружение.

– Да град это, скорее всего, был, крупный! – доказывал один офицер остальным.

– Да какой нахрен град! А сейчас что барабанит по корпусу? На четырех сотнях под водой? Град-то легче воды, он плавать должен, – тут же разбил гипотезу другой офицер.

– Ну, не знаю, тогда. Надо вон у капитана Терехина спросить, он ведь от командира пришел?

Терехин взял обед и присел за свободный столик.

– Я ненамного больше вашего знаю. Метеослужба передала, что надвигается сильный ураган. Потом было предупреждение, чтобы подлодки ушли на глубину, а надводные суда заняли позиции строго на ветер, потому что скорость урагана невероятная, больше семисот километров в час. Вот и все, в принципе. Ну, до погружения слышно было, как янки паникуют. А что барабанит по корпусу, сказать не могу. Зацепило может быть, какой сухогруз рядом?

Офицеры внимали Терехину, и когда он замолчал, они замолчали тоже. В камбузе негромко играла музыка, мягкий свет отливала на хромированных боках столиков. Все было, как всегда, но чувство тревоги закралось в душу каждого члена экипажа подводной лодки.

Терехин пообедал и прошел в свою каюту. Остальные офицеры были на дежурстве. Виктор достал книгу, лег в шконку и попробовал почитать. Мысли постоянно уползали в другую сторону. Он пытался сосредоточиться на тексте, ему удавалось минут пять вникать в него, но потом он снова замечал, что думает совсем о другом. Мысли непроизвольно перескакивали на недавние события.

Терехин отложил книгу. Это не чтение, а мука. За бортом все так же слышался периодический стук. Что бы это могло быть? На ум не приходило ни одной достоверной догадки. До смены оставалось два часа. Офицер решил, что сон перед работой поможет очистить сознание и придать мыслям нужный порядок.

Ему удалось уснуть. Сон был тревожным. Постоянно снилось, что кто-то стучит по голове. Терехин пытался во сне избавиться от этого стука, но он не проходил. Зазвонил будильник. Виктор выбирался из сна, как из вязкой болотной топи. К его удивлению, стук по корпусу лодки стал еще чаще.

Капитан второго ранга Терехин вошел в рубку управления. Татарчук сидел на своем месте. Он как будто не заметил вошедшего офицера. На его лице застыло выражение глубокой задумчивости. Акустики сосредоточенно следили за экраном локатора, остальные офицеры

тоже были заняты своим делом. Без объяснений Терехин понял, что положение лодки за время его отсутствия не улучшилось.

– Мы теряем глубину, – вдруг сказал Татарчук, не поднимая глаз.

– Как это, теряем, всплываем, что ли? – не понял Терехин.

– Нет пока. Но глубина под нами становится меньше.

– Ничего не понимаю, товарищ капитан. Нас течением снесло на мелководье? – до Терехина не доходило, к чему клонит командир.

– Нет, Виктор. Мы где были, там и стоим, но глубина уменьшается.

– Товарищ капитан, я чего-то спросонья, наверное, недопонимаю, к чему вы клоните? Океан мелеет?

– Представь себе. За два часа с небольшим он обмелел на пятьдесят метров.

– Этого не может быть. Приборы барахлят, скорее всего.

– Не говори ерунды, Виктор. Мы по-разному мерили, а результат один.

– Как это, почему? Такое вообще возможно?

– Не хотел это говорить при подчиненных, но у меня поджилки трясутся от одной мысли, что там сейчас творится наверху. Там, Виктор, никакой не ураган, там конец света.

– С чего вы решили? – Терехин был удивлен таким состоянием командира.

– Смотри, мы открыли торпедный аппарат, чтобы узнать, что же все-таки сыплется нам на голову, – командир показал на груды мокрого мусора, которого Терехин вначале не заметил. – Покопайся, посмотри, что мы наловили.

Терехин подошел и потрогал мусор руками. В основном это были мелкие камни, но среди них попались куски бетона.

– Ничего не понимаю. Как они могли попасть в центр океана?

– Оттуда, с суши, ветром принесло, – пояснил Татарчук.

– Да нет, не может быть. Здесь есть другое объяснение, – Терехин не поверил в невероятное объяснение командира.

– А как по-твоему? Над нами завис корабль со строительным мусором, и они сыплют его нам на голову ковшами?

Татарчук пристально посмотрел в глаза Терехину.

– Пока ты спал, Виктор, мы думали и пришли к выводу, что над нами никакой не ураган, а катастрофа, с которой человечество еще не сталкивалось. Ветер уносит воду с поверхности океана. Представляешь себе его силу?

Терехин пытался переварить услышанное. Он был еще не готов поверить в такую невероятную гипотезу.

– Мне кажется, вы немного драматизируете, товарищ капитан. Отдохните, а я пока возьму управление в свои руки.

Татарчук ответил в неуставной форме.

– Хорошо, Виктор. На самом деле голова кругом, немного сна не помешает.

Командир встал, окинул взглядом рубку, словно хотел убедиться, что никакого бардака за собой не оставляет, что каждый офицер на своем месте и занят делом.

– Виктор, если ситуация начнет меняться, в любую сторону, худшую или лучшую, сразу гонца ко мне. Понял?

– Так точно, товарищ капитан первого ранга.

– Ладно, в походе можно без этой уставщины.

Татарчук вышел, а Терехин сел на его место. Остальные офицеры, что заступили на вахту вместе с ним, приняли доклады от сменяемых. Они также заняли свои места.

– Докладывайте, что у нас по ситуации? – обратился он к новой смене.

– Лодка движется по прежнему маршруту, но скорость снижена на пять узлов. Командир отдал этот приказ, чтобы избежать пробития корпуса камнями, – ответил офицер, ответственный за маршрут субмарины.

– Эхолокация затруднена из-за большого засорения воды твердыми телами. Посмотрите сами, товарищ капитан, – офицер показал на экран, на котором зелеными контурами вырисовывалось океаническое дно.

В настоящий момент дно сливалось со сплошной мерцающей стеной.

– Держите глубину с запасом, – посоветовал он.

– У нас тоже ничего не разобрать. Один сплошной вой, – доложил акустик.

Он перевел звук на внешний динамик. Рубку заполнил жуткий воющий звук.

– Отключи его к чертовой матери! – Терехин постарался перекричать вой.

Акустик выключил и стало тихо. Только звуки ударов камней разбегались по металлу корпуса лодки.

– Что с глубиной. Мелеет?

– На ходу сложно определить. Предыдущий замер делали, стоя на одном месте.

Терехин решил не предпринимать пока никаких действий. Не могла природа поддерживать такую стихию долго. Он был уверен, что ураган стихнет в его смену. Тогда надо будет всплыть и выяснить, откуда брались камни. Виктор снова поднял к глазам кусок бетона, который выловили из торпедного аппарата. Кусочки щебня, скрепленные раствором, отливали голубоватым цветом.

Его взгляд невольно задержался на полосе коричневого цвета, похожей на след от окислившегося металла. Терехин царапнул ногтем по ней. Полоса немного отшелушилась. Тогда он взял со стола ключи с металлическим брелоком и попытался им потереть темную полосу. Она поддалась, из-под коричневого налета блеснул металл.

– Лейтенант Шкиряк, принесите мне какую-нибудь железку, чтобы я разбил этот камень.

Лейтенант-акустик, не задавая лишних вопросов, бросился исполнять приказание. Через минуту он вернулся с разводным ключом. Терехин положил кусок бетона на пол, предварительно подстелив под него тряпку. Буржуйский бетон нехотя крошился под ударами ключа. Наконец, капитан добрался до того места, где был заключен металл. Круглое коричневое пятно открылось под сколотым слоем.

При помощи перочинного ножа Виктор скovyрнул кусочек металла, по форме напоминающий монету. Он внимательно повертел его в руках, поднес к свету. Кругляш действительно походил на монету. Терехин ножом аккуратно соскреб окислившийся слой. Затем положил монету на кусок ткани и протер. Из-под темного налета проступил барельеф рисунка. Профиль мужчины, похожего на Авраама Линкольна, и дата рядом с ним «1948». Капитан перевернул монету и потер другой стороной. На очистившейся поверхности проступила надпись, немного съеденная, но все равно понятная – «One Cent». И еще мелким шрифтом «United States of America».

Терехин покрутил монету и положил ее на столик, давая взглянуть остальным офицерам.

– Что думаете?

Он дал время, чтобы команда успела рассмотреть монету и попытаться осознать то, что со страшной силой просилось в его мозг. А именно: этот кусок бетона каким-то невероятным образом пролетел тысячи миль от Америки и плюхнулся прямо на их лодку. Ему стало суеверно страшно, когда он представил, что творится на поверхности. Какой силы должен быть ветер, чтобы сделать такое? В этот момент что-то тяжелое зацепило лодку и со скрипом проехало по корпусу.

– Всем проверить течи в корпусе! – отдал он приказ.

Офицеры разнесли его по лодке нижестоящим членам экипажа. Все стали напряженно ждать докладов, на время, забыв про монету. Доклады стали поступать один за другим. К сча-

стью, течь не была замечена ни в одном отсеке. Офицеры в рубке управления снова вернулись к монете.

– Одноцентовая монета, американская, – произнес старший лейтенант Горемыхин.

– Каким ветром ее сюда занесло? – с иронией спросил Терехин.

Горемыхин понял ход мыслей капитана. Он как-то недоверчиво посмотрел на Терехина.

– Нет, нет, не думаете же вы, товарищ капитан, что ее сюда принесло ветром?

– Хотелось бы не думать, но выводы напрашиваются сами собой.

– Да бросьте. Ветер развалил здание из бетона на кусочки и понес его по ветру? Нет, товарищ капитан, это чересчур смело. Я бы даже сказал, что это гипотетически невозможно.

– Хорошо, невозможно, так невозможно. У кого-нибудь есть версия, как этот кусок дрейфующего бетона прибил к нашей лодке? И что мы зацепили несколько минут назад?

Команда не привела ни одного разумного довода, но и позицию Терехина никак не хотела принимать. На их взгляд она была чересчур фантастической. В итоге, все пришли к мысли, что всплытие после того как закончится ветер, все поставит на свои места. Позиция остальных немного успокоила капитана. Кто знает, что там творится на поверхности? Так можно что угодно напридумывать и запугать себя.

Была середина смены, когда вахтенный офицер доложил, что нагрузка на энергетическую установку гораздо выше, чем положено при такой скорости.

– Почему? – спросил Терехин.

– Течение сильное встречное, сопротивление высокое, – ответил офицер.

– Всё не слава богу, – в сердцах сказал капитан. – Здесь же отродясь не было никаких течений. Мы правильным курсом идем?

– Так точно, товарищ капитан.

Терехин представлял маршрут. Он был записан у него в голове до мельчайших подробностей. Если течение встречное, значит, двигалось оно на северо-восток. Гольфстрим они миновали, да и не влиял он на скорость субмарины до такой степени. Выходило, что ветер разгонял и воду, создавая течения.

К нему снова вернулась тревога. Если ветер не стих, то он уже мог подбираться к Мурманску. К его дому, где остались жена и дочь. Как ему хотелось сейчас оказаться вместе с ними. Спрятать своих женщин, укрыть их от опасности. Он бы точно придумал, где можно спастись от такой стихии.

Можно было бы уехать в деревню и спрятаться в погребе у родителей. Там и стены бетонные и провизии на полгода хватит. Виктор был уверен, что стихия, если и достигнет его Мурманска, то значительно потеряет силу. Но страх за семью остался. Его женщины, привыкшие к тому, что он всегда все решал за них, будут до последнего сидеть дома, не предпринимая никаких действий. Раньше Виктор не сомневался, что это порядок, это правильно, но сейчас ему хотелось, чтобы они плюнули на порядок и сбежали из города, куда глаза глядят.

Неожиданно Терехина словно током ударило. Он вспомнил, что дочь собиралась отправиться в поход на плато Путорана. Вика, перед тем как отцу уйти в поход, несколько раз подходила за одобрением ее планов. Он ведь сам, как строгий отец, запрещал ей, а теперь готов был кричать, чтобы она не меняла их.

Забыв на время о неприятностях, семья молчком жевала ароматное мясо, похрустывая песком на зубах. Удивительно, но дома мясо с песком никто есть бы не стал, а здесь даже не морщатся. Егор почувствовал, что между всеми членами семьи появилось некое сплочение. Тамаре по характеру нужно было бы причитать и жаловаться на судьбу, а она вместо этого самозабвенно сдирала зубами мясо с шампура и жевала его, как голодный волк. У Матвея все признаки трудного подростка исчезли напрочь. Дома он всегда ел, глядя одним глазом в экран телефона, а тут проявил несвойственную ему заинтересованность в приготовлении шашлыка,

и за все время даже не достал телефон. План Егора сбавывал, и ветер ему здорово в этом помогал.

Вино осталось в машине. Для большей романтики его очень не хватало. Егор поднялся.

– Ты куда? – спросила его Тамара.

– Вино попробую достать из багажника.

– Не стоит, Егор, и без вина хорошо сидим.

– Если там ветер не стих, я не полезу.

– Я с тобой, – подорвался сын.

– Я вас одних никуда не пушу, – строго сказала Тамара.

В итоге на выход из пещеры пошли вчетвером. Издалека стало понятно, что ветер не стих. Узкий тоннель гудел, как пионерский горн. Даже на ощупь чувствовалась вибрация его стен.

Когда подошли к выходу, Матвей выглянул наружу через плечо отца.

– Ни фиги себе! Вот это ураган! – Матвею пришлось перекрикивать вой ветра.

К ветру прибавился дождь. На машине дрожали несколько грязных капель. Ветер, обдувая гору с высокой силой, создавал прямо за ней зону низкого давления. Перед входом на расстоянии пары метров от стены можно было даже немного прогуляться. Егор схватился за трос и, держась за него, подошел к машине. Ветер рвал на нем одежду, сбивал с ног. Егор вынул из багажника сумку, в которой было вино, и попытался захлопнуть крышку. Вдруг в плечо ему что-то ударило. Егор выронил сумку и схватился за него. Ветер тут же потащил сумку, разгоняя ее по земле, и буквально через пару метров поднял в воздух и словно выпустил ее из пращи.

Егор по тросу вернулся в пещеру. На рукаве расплзлось кровавое пятно.

– Что это? Откуда? – испуганно спросила Тамара. – Снимай рубашку, рану надо обработать.

Катюшка прикрыла рот рукой от испуга и во все глаза смотрела, как отец снимал рубашку, морщась от боли. Егор включил фонарик и осветил на руку. Из ранки что-то торчало. Набравшись терпения, он схватил это двумя пальцами и вытянул из раны.

– Что это? – спросила Тамара.

– Камешек, кажется? – предположил Егор.

– Не поняла, а почему он пробил тебе руку, это же не пуля?

– Знаешь, что я думаю об этом урагане? – заинтриговал Егор супругу.

– Что?

– А то, что таких ураганов в наших краях еще не было. Чтобы разогнать этот кусочек до такой степени, чтобы он пробил мне руку, нужны скорости около ста метров в секунду. Примерно. Это триста шестьдесят километров в час, можете себе представить. Таких ветров и не бывает, тем более у нас. Скорее всего, там камнепад наверху случился, кусочек откололся и влетел мне в руку.

– Слушайте меня все! – строго и беспрекословно сказала всем мать. – На улицу до конца непогоды никто не выходит. Понятно?

Предупреждение относилось по большей части к Егору. Тамара задержала на нем свой взгляд, ожидая реакции. Егор согласно качнул головой. Словно в ответ на ее предостережение где-то наверху раздался страшный грохот. Он приближался, заставляя сотрясаться стены тоннеля, пока не закончился камнепадом где-то совсем неподалеку. Егор осторожно выглянул и быстро заскочил обратно. В его глазах был страх.

– Идемте в глубь пещеры. Рану надо обработать.

Тамара промочила ватку муравьиным спиртом, входящим в состав аптечки первой помощи, и протерла рану. Егор втянул воздух через зубы.

– Что ты видел? – Тамара спросила шепотом.

– Ветер двигал камни, словно они из пенопласта, представляешь?

– Да ладно? Может, они еще по инерции катились?

– Я что, не могу отличить, когда по инерции, а когда их ветром катит? Я тебе серьезно говорю, с погодой что-то не так.

Тамара намотала вокруг раны бинт, раздвоила конец и завязала.

– Выбора у нас нет, будем ждать конца урагана. Надеюсь, к утру все стихнет.

– Надеюсь, – вздохнул Егор.

Шашлыка, как всегда, приготовили намного больше, чем могла съесть семья за один раз. Половина из пожаренного мяса была не съедена и в ведре еще оставалось прилично. На сытый желудок всех потянуло спать. Всё, на чем можно было прилично поспать, находилось в машине. Палатка, надувной матрас. Если непогода продолжится до самой ночи, то Егор понимал, в машину придется лезть снова.

– Матвей! – неожиданно громко обратился к сыну Егор. – Мне понадобится твоя физическая помощь.

– Что ты задумал? – тревожно спросила Тамара.

– Есть одна идея. Выходить из пещеры для этого не понадобится, – успокоил ее Егор. – Я хочу попробовать подтянуть машину за трос к самой пещере. Не будем же мы спать здесь на голом камне?

Матвей встал, готовый помочь отцу.

– А я что, не помощница что ли совсем? – возмутилась Тамара. – Вечно вы без меня обходитесь.

– Ну, пошли, раз сама напросилась.

Егор встал первым за трос, за ним Матвей и Тамара.

– Дергаем под счет, ясно? Я считаю.

Тамара снисходительно улыбнулась.

– Давай уже, – произнесла она.

– И-и-и-и, раз! – толчок слегка двинул автомобиль. – И-и-и-и, два! – колеса снова сдвинулись на пару сантиметров. – Давайте еще, поднатужимся! И-и-и-и, раз! И-и-и-и, два!

Машина понемногу сдвигалась и вдруг поддалась гораздо легче. Порыв ветра зацепил нос автомобиля и помог развернуть. Дальше работа пошла почти без усилий. Автомобиль встал как надо, но до пещеры оставалась еще пара метров, и поставленный на ручник, он совсем не хотел двигаться дальше. Егору показалось, что машину даже тянет немного вперед.

– Я быстро! Отойдите немного вглубь!

Не успев дожидаться возмущений жены, он выскочил из пещеры, держась одной рукой за трос, второй открыл багажник. Ветер хлестал по телу, будто состоял не из воздуха, а из более плотного вещества. Пробравшись через ворох всего, что они взяли на этот пикник, Егор очутился на водительском кресле. Он вставил ключ в замок зажигания. На долю секунды бросил взгляд в испачканное лобовое стекло. Сквозь мокрую грязь была видна только непроницаемая стена ветра, несущего всё, что удалось сорвать с поверхности. Мотор завелся. Егор включил заднюю скорость и отпустил ручник. Машину дернуло вперед с такой силой, будто сзади кто-то ударил другим автомобилем. Автомобиль понесло вперед. Егор надавил на газ, покрышки засвистели, но ощутимого движения назад не было заметно. Егору стало страшно. Что если его сейчас сорвет и унесет? А это было очень вероятно, опрометчивый героизм мог обернуться вполне вероятной гибелью. Егору стало страшно за семью. Не хотелось оставить их одних при таких обстоятельствах.

Глава 2

Егор взял себя в руки. Он отпустил газ и попробовал двигаться назад рывками, проговаривая про себя команду «и-и-и-и, раз!». Машина поняла его и понемногу стала подаваться назад. Егор остановился, только когда услышал скрежет сминаемой о скалу пятой двери. Буквально через секунду, как он остановился, прямо перед носом автомобиля упал огромный камень. Брызги осколков ударили в лобовое стекло, мгновенно превратив его в непроницаемую паутину трещин.

Егор представил, что случилось бы, если бы он немного задержался. В машине оставаться было очень опасно. В задний проем уже заглядывали Тамара и Матвей, у обоих по лицу текли слезы. Егор выбрался и хотел повиниться перед женой, но увидел ее ладони, сорванные в кровь.

– Ты... ты... придурок! – сквозь слезы сказала Тамара и упала Егору на грудь.

– Прости, прости, – Егор целовал ее в макушку.

Рядом стоял Матвей, он утирал слезы со щек, размазывая по лицу кровь такими же сорванными ладонями.

– Мы поняли, когда ты стал дергать, что надо тянуть под счет, и у нас получилось. – всхлипывая, проговорил сын.

– Простите меня, не рассчитал я немного.

Егор понял, что не только его техническое ухищрение, но и сообразительность жены и сына позволили ему не погибнуть.

– Давайте вытащим все из машины, пока ее опять не унесло.

Егор вынимал из машины вещи и бросал назад. Для идеального пикника он взял четырехместную палатку, надувной матрац под нее, одолжил у товарищей пару спальников к своим двум, пару пятилитровок с водой, пару газовых баллонов для туристической газовой плитки, многофункциональный инструмент типа топора-пилы-лопатки, а также немного консервов на всякий случай. Егор вынул из машины все, до чего смог дотянуться, даже запаску и резиновый коврик из багажника.

Прежде, чем тащить все это в глубь пещеры, Егор перевязал раны Тамаре и сыну.

– Катюх, ты сегодня за старшую, ухаживай за нашими ранеными, хорошо? – серьезно обратился отец к дочери.

– Аха, поняла. Пить хотите? – с места в карьер взяла дочь.

До России урагану оставалось несколько часов. Игорь сам был из Новосибирска и пока не сомневался, что ураган потеряет силу, прежде чем достигнет его города. Семен же был погружен в печальные мысли. Его семья жила в Подмосковье. Он пытался соединиться с ними, чтобы предупредить, но ничего не получилось. В ЦУПЕ уже никто не занимался этим, а дежурный по секрету сказал, что до людей не будут доводить информацию о наступающем урагане, чтобы не допустить ненужной паники. По его словам, спрятаться от ветра, состоящего наполовину из камней и наполовину из морской воды, негде, поэтому смысла предупреждать о неизбежном нет. Если ураган прекратится, то ничего и не произойдет, а паника может нанести большой вред.

Этим он еще сильнее расстроил Семена, мучавшегося невозможностью предупредить семью.

– Все равно мне это кажется бесчеловечным, – произнес Семен. – Так у людей был бы шанс.

– Я понимаю тебя. Семен, но подумай, куда можно спрятаться от урагана в Подмосковье. Особенно если сразу образуются пробки на всех трассах. Да и подожди ты переживать, стихнет ураган, не дойдет он до нас.

– Стихнет! – с сарказмом сказал Семен, и его подвел голос, поднявшись на гласной чересчур высоко. – Смотри, ни на метр не упала скорость, за несколько часов. С чего бы ему стихать.

– А с чего бы ему было начинаться вообще? Никто же не понял его природы. Кто знает, сколько он продлится?

– Ждать невыносимо. Это, наверное, как время перед казнью. Ждешь смерти, но надеешься на помилование.

– Семен, прекрати депрессировать. Что я буду делать, когда двое космонавтов из экипажа находятся в сомнамбулическом состоянии?

– Игорь, а ты вообще понимаешь, что половины планеты уже нет? Там все погибли, понимаешь? Миллиарды людей уже на небесах, и родители Джейн, скорее всего тоже.

– Семен, всё, хватит! Не думал, что ты такой паникер. Вот тебе камера, вот цифры, совмещай и отправляй в ЦУП!

Семен нехотя принялся за работу. Игорь почувствовал, как в нем закипела кровь от негодования. Он терпеть не мог, когда в сложной ситуации люди начинали портить ее еще сильнее. Где-то психологи недосмотрели за Шапиро. Порог стрессовой устойчивости для его психики оказался низковат. Кружалин взялся за свою работу, которая могла скоро никому не понадобиться, но она отвлекала от плохого настроения и дурных мыслей.

– Товарищ капитан, смотрите, – вахтенный офицер показывал на навигационную карту. – Мы проходим это место. Здесь малые глубины, местами до полукилометра. А теперь посмотрите на показания гидролокатора.

Офицер сделал паузу, чтобы дать начальнику самому рассмотреть значения. Они колебались в районе трехсот восьмидесяти метров.

– Ста метров над нами не хватает?

– Так точно, товарищ капитан. Мы этими путями не раз ходили, не было здесь ни разу меньше пятисот метров.

– А может быть, из-за шума локатор врет?

– Не думаю, товарищ капитан. Смотрите, дно здесь ровное, а показания постоянно бегают вверх-вниз. Над нами сейчас гигантские волны, и даже не волны, а такие валы по несколько сот метров в длину. Смотрите, смотрите, – он ткнул в показания гидролокатора.

На мельтешащем экране значения глубины, задержавшиеся на отметке более четырехсот метров, снова ухнули до трехсот восьмидесяти. Терехин физически ощутил, как обрушился сорокаметровый вал воды. Он не мог понять, что это было, игра воображения, или на самом деле. Ему показалось, что лодку колыхнуло, повело в сторону. Но никто из команды не проявил беспокойства. Терехин взял себя в руки. Перед командой он должен быть само спокойствие и выдержка.

Командир Татарчук вернулся в рубку спустя четыре часа. Смена Терехина подходила к концу. Командир был взъерошен и зол. Он выслушал доклад дежурного и повернулся к Терехину.

– Глаз не сомкнул. Как в новой квартире, когда у всех ремонт вокруг. Честно говоря, я был уверен, что ураган скоро закончится. Ан нет, продолжается, как ни в чем не бывало. И всплыть нельзя, чтобы радио послушать, – посокрушался командир.

– Да, информация бы нам не помешала. Им-то со спутников все видно, когда он закончится, – поддержал командира Терехин. – Смотри, командир, что мы добыли из куска бетона.

Терехин поднял монетку, подкинул ее и поймал. Затем протянул командиру, следя за его реакцией. По лицу Татарчука проскользнуло удивление, сменившееся тревогой.

– Да как же это так? Нет, не может быть! До Америки сколько, чтобы вот так булыжники по воздуху таскать? Может быть, мы не в курсе, тут где-нибудь острова насыпают искусственные? Хотя что я говорю, какие острова? Мы бы знали уже.

Татарчук потер ладонью голову, разгоняя кровь по подкорке, чтобы усилить мыслительный процесс.

– Выходит, наши догадки верны. Матушка Земля взбунтовалась и устроила нам большой выход с наподвыподвертом.

Командир бросил слегка отрешенный взгляд на всех, кто был в рубке. Сделал, как всем показалось, несколько бессмысленных кругов по ней.

– Где мы? – Татарчук остановился и резко спросил у вахтенного.

Офицер назвал координаты. Татарчук подошел к висящей на стене карте с глубинами и ткнул пальцем в то место, где сейчас находилась подлодка.

– Товарищ капитан второго ранга! – обратился командир к Терехину. – Что скажете, если ветер не успокоится и будет сдувать воду с той же силой, успеем мы соскочить с мели?

Вопрос застал помощника врасплох. Он еще не думал о том, что ветер сможет продержаться столько времени и не рассматривал такую удаленную перспективу.

– Товарищ капитан, движение лодки слегка затруднено встречным движением. Думаю, что за два дня, как при нормальном движении, у нас не получится достичь цели маршрута.

– Это если идти по намеченному пути, – заметил командир.

– Но ведь мы не имеем права менять его.

– На случай непредвиденных обстоятельств я имею полное право его изменить, – Татарчук подошел к вахтенному офицеру. – Меняем маршрут, движемся строго на запад. Сократим путь минимум на полсутки.

Смены поменялись, как и положено по дежурству. Чрезвычайная ситуация не внесла никаких корректив в работу экипажа субмарины. Нужды в том, чтобы Терехин остался в рубке, не было. Капитан прошелся по коридорам судна, прислушиваясь, как падающие сверху предметы проверяют на прочность корпус корабля. Матросы бросали на него любопытные взгляды. Их никто не ставил в известность, и, вероятно, им не терпелось узнать, что творится снаружи подводной лодки.

– Товарищ капитан, разрешите обратиться! – дорогу капитану перерезал старшина первой статьи Заремба.

– Разрешаю.

– Разрешите узнать причину этих звуков по корпусу нашей лодки? Мы что, попали в метеоритный поток?

– Ха-ха, смешно, Заремба. Это твой дембель стучится, а мы ему не открываем, потому как на секретном задании.

– Ну серьезно, товарищ капитан второго ранга. Очень напрягает неизвестность, даже страшно как-то.

– Значит так, товарищ старшина первой статьи, командованию доподлинно неизвестно, что там творится на поверхности. С большой долей вероятности могу сказать, что там случился невероятный ураган, которому удалось унести с суши довольно крупные и тяжелые предметы. Они-то и барабанят по нашей лодке. Уяснили?

Заремба неопределенно мотнул головой. Видимо, он прикинул ближайшее расстояние до суши.

– Вам же приказали внимательно следить за возможными протечками в корпусе?

– Так точно!

– Действуйте.

Терехин пошел дальше, желая убедиться, что в каждом отсеке есть дежурный. Он дошел до торпедного отсека, расположенного в самом носу субмарины. Здесь звук ударов слы-

шался громче. Дежурные матросы, завидев командира, встали. Один из них попытался сделать доклад, но Терехин перебил его.

– Ладно, бдите во все глаза. У вас тут очень ответственный пост.

Терехин задержался в отсеке. Он проверил каждый закоулок в нем, чтобы лично убедиться в отсутствии опасности. Удары гулко разносились по отсеку. Можно было представить себя внутри огромного колокола, по которому стучат молоточками. К счастью, корпус лодки был рассчитан на большие нагрузки. Он достойно справлялся со всем мусором, контактившим с ним. Это немного приободрило капитана. Он вернулся в кают-компанию в более-менее хорошем настроении.

Свободные от смен проводили свой досуг в каюте за всякими разрешенными на борту вещами. Кто играл в нарды, кто читал имеющиеся на борту книги, некоторые матросы разговаривали вполголоса между собой. Капитан взял в руки первый попавшийся журнал, открыл его на середине и попробовал развлечь себя чтением. Как назло, на развороте размещалась статья, посвященная годовщине гибели «Титаника». Терехин закрыл журнал. Внутри него сидело чувство, будто он должен что-то предпринять, но что именно, понять не получалось. Это чувство тревожило и не давало ему сосредоточиться.

Устав от бесполезного напряжения сил, он присоединился к играющим в нарды. Незаметно для себя самого азарт игры захватил его. Тянувшее чувство осталось за бортом. Бодрствующая смена сменилась отдыхающей. Виктор Терехин отправился в каюту. Под мерный стук по корпусу субмарины он уснул.

Теперь Игорь понимал, что Семен имеет право впасть в депрессию. Ураган прокатился по Москве и окрестностям в полную силу. Осознать это, понять, что твои родные погибли, пока ты преспокойно болтаешься на орбите и ничем не можешь им помочь, было почти невозможно. Сердце разрывалось от чувства жуткой несправедливости. Семен подвывал в углу, но Игоря его не трогал.

Связь с ЦУПом пропала. Им никто не оставил инструкций напоследок о том, как действовать в автономном режиме. Да и кто бы стал это делать? Это все равно, что сказать: «Прощайте, друзья, мы все погибнем скоро, а вы там соблюдайте инструкции, которые мы вам оставим». Кому это интересно, как и куда приземлится экипаж корабля, когда в живых никого не останется...

В отсеке появилось опухшее от слез лицо Джейн. В руках у нее была бутылка калифорнийского вина из долины Напа.

– Это мне передали на день рождения, но сейчас повод более достойный. Надо помянуть человечество.

Для Игоря ее слова прозвучали немного кощунственно. Его семья была еще жива и здорова. Ураган не добрался до Урала, и ему изо всех сил хотелось верить в то, что не доберется. Жена, двое пацанов, его родители, родители жены, братья и сестры. Все жили в самом Новосибирске и окрестностях. В голове не укладывалось, что они могут разом погибнуть. Сыновья передали ему с последним «Прогрессом» рисунки, на которых папка летает, привязанный к кораблю веревкой с бантиком. Рисунки вызывали у него слезы умиления, поэтому пить за упокой человечества он считал преждевременным.

– Джейн, у меня нет пока желания. Извини.

– Твои еще живы, да?

Игорь кивнул.

– А у Семена?

Семен никак не отреагировал на ее вопрос. Игорь согласно кивнул головой.

– Понятно. Рано зашла.

Джейн уплыла к себе.

Работа не клеилась. Мысли против воли перескакивали на то, что сейчас творилось на Земле. В итоге Игорь бросил ставший теперь бесполезным труд и просто уставился в иллюминатор. Когда станция проходила над теми местами, которые были затянuty сплошным покрывалом урагана, Игорь терял понимание, над каким местом они пролетают. Когда они снова оказывались над границей, требовалось время, чтобы понять, что находится внизу.

Граница урагана накрыла всю европейскую часть страны, приблизившись вплотную к Уральским горам. До Новосибирска оставалось два часа. Игорь поймал себя на том, что собирается просидеть у иллюминатора вплоть до тех пор, пока ураган не достигнет его родного города, либо не прекратится. Серо-коричневый поток ударился о горы. Его гомогенное состояние нарушилось завихрениями, вызванными отдачей о препятствия, и эжекционными процессами, связанными с неравномерным прохождением ветра между гор.

Игорь представил себе людей, которые в этот момент выбрались на прогулку в горы. Что же они видели с земли, и сколько времени им потребовалось, чтобы определить, какой силы ураган застиг их?

Это было невероятно, но Егор отметил, что ветер и не собирался стихать, напротив, он усиливался. В голове не укладывалось, как такое вообще возможно. Все вокруг гудело, как мощный трансформатор. Егор представил, как несомые ветром со скоростью пули предметы ежемоментно сталкиваются, бьются и перетирают в труху все, что попадает им на пути. Егор подумал, что было бы с ним, если бы его унесло ветром в автомобиле. Наверняка он не прожил бы больше нескольких секунд. Если они находятся в центре некоего аномального урагана, то по возвращении домой, нужно будет рассказать ученым, каких скоростей может достигать ветер в самом эпицентре. Им повезло, что они оказались в пещере, и теперь смогут все рассказать.

– Как погода? – спросила Тамара, когда Егор свалил перед семьей остатки вещей.

– По-моему, ветер еще усилился.

– Этого не может быть, он и так дует, как бешеный.

– Хорошо, что мы в пещере, правда? Нам ветер ничего не сделает здесь, – уверенно проговорила Катюшка, вращая линзу налобного фонаря и забавляясь с пучком света.

– Конечно, дочь, тут нам ничего не страшно. К завтрашнему утру ветер стихнет, и мы спокойно поедем домой.

Егор придал голосу максимальной уверенности, но внутри оной не было. Дабы отвлечь семью от ненужных мыслей, отец семейства решил показать им то, ради чего он и задумал путешествие в пещеру. Для начала Егор решил сам найти ту надпись, которую сделал на стене, когда впервые увидел Тамару. Это заняло некоторое время. Стены за пятнадцать лет сплошь покрылись надписями страждущих оставить о себе напоминание туристов. Надпись, сделанная фломастером, немного поблекла, но все равно еще хорошо читалась.

– Идите сюда! – позвал всех Егор. – И смотрите под ноги!

Семья не сразу сообразила, зачем отцу понадобилось их звать. Они нехотя поднялись и раскидывая ногами мусор, подошли к Егору.

– Зачем ты нас звал? – первой спросила дочь.

Егор направил луч фонаря на надпись на стене. Там было написано имя «Тамара», и вместо каждой гласной «а» стояло сердечко. После имени стояла дата написания сего романтического шедевра.

– Это день, когда мы с мамой познакомились, – Егор провел светом фонаря по лицам семейства, чтобы увидеть их реакцию.

Детей, как и ожидалось, не очень тронула романтичность момента, Матвей даже зевнул. Но на Тамару надпись произвела правильный эффект. В ее глазах в свете фонаря мелькнули слезы. Она не удержалась и уткнулась в плечо Егора, шмыгая носом.

«Хоть что-то сегодня идет как надо» – мелькнуло в голове Егора.

В отсутствии вина романтический момент можно было продолжить чаем. Егор перебрал все свои запасы и нашел несколько пакетиков черного с фруктовым вкусом. Собрал газовую плитку и приготовил. Семья пила чай, шмыгала носами и молчала. У всех одновременно появилось желание помолчать, углубившись в свои мысли. Егор подумал о работе, о коллегах. Не сказать, что их коллектив был настолько дружным, чтобы скучать о нем по выходным, но именно сейчас Егор хотел бы их увидеть или хотя бы созвониться. Он рефлекторно вынул телефон. Сеть отсутствовала.

Тамара вспоминала хронологию семейной жизни, с этого места, лет пятнадцать назад до сего момента. К ее удивлению она не могла вспомнить ни одного серьезного события, из-за которого могла бы серьезно не любить мужа. Какие-то мелкие склоки и неуступки с обеих сторон возвели между ними стену взаимного неудовольствия. Сейчас обиды казались глупыми, и Тамара даже почувствовала вину перед собой, как будто она предала надежды молодой себя.

Матвей скрывал от родителей свою первую юношескую влюбленность. Ему нравилась девочка на два года старше него. Ее образ и так постоянно стоял у него перед глазами, а теперь ему патологически хотелось увидеть ее. Он отвернулся от всех и уткнулся в телефон, рассматривая снимки Юли, сделанные тайком от нее.

Катюшка в этот момент думала о Барсике. Ей представилось, что бедный кот смотрит в окно на свирепствующую стихию и сильно переживает за семью.

В возникшей тишине слышалось, как почти на уровне инфразвука гудит пещера. Гора вибрировала, как колокол. Егор достал телефон и проверил время. Наступил уже вечер, а ветер и не думал затихать.

– Пойду, гляну, как там, – поднялся Егор.

– Я с тобой, – Тамара переживала за мужа, способного к необдуманным рискованным поступкам.

– Я с вами, – засобиралась дочь.

– А я вас здесь подожду, – сказал Матвей, надеясь спокойно полюбоваться снимками Юли.

Ветер продолжал неистовствовать. Проход наружу не светился как обычно. На улице стало темно, хотя время было еще вечернее и солнце не должно уйти за горизонт. Снаружи тянуло влажностью. Егор прикрыл дверь багажника. Она оказалась мокрой. Рефлекторно Егор попробовал на вкус влагу. Вода оказалась соленой.

– Дождь соленый почему-то! – перекрикивая шум сообщил Егор.

– С чего бы? – удивилась Тамара.

Она высунула руку из пещеры и провела ею по мокрой стене, после чего проверила ее на язык.

– Точно, соленая, как морская вода. Дождь, наверно, размыл какие-то минералы в скальной породе. После камнепада добрался до чего-нибудь.

– Наверное, – согласился муж.

Разговаривать в таком месте было тяжело, да и разглядывать особо нечего. Семья вернулась назад в пещеру.

– Как там? – спросил Матвей.

– Так же, – скупой ответил отец. – Давайте укладываться спать.

– Да! – радостно поддержала его Тамара. – Утром проснемся, а на улице солнышко и ветра нет.

Егор принялся накачивать матрас. Матвей достал и развернул палатку. Решено было воспользоваться ею как одеялом. В пещере было свежо. Матвей отказался спать со всеми вместе на одном матрасе, сославшись на тесноту.

– Я в спальнике буду, – отрезал он.

Егор включил режим в фонаре, когда светился всего один диод, здорово экономя аккумулятор. Катюшка легла между отцом и матерью. Егор положил руку на обеих. Несмотря на перенесенные за день неприятности сон сморил всех моментально. Разбудил Егора сын. Матвей тряс отца за плечо.

– Пап, пап, проснись. В пещеру вода идет.

Егор резко сел, туго соображая со сна.

– Пап, вода кругом. Мой мешок весь намок.

Егор встал. Под ногами зачавкала жижа. Он включил фонарь посильнее и осветил пространство вокруг. Вода подняла весь мусор и блестела в лучах фонаря почти по всей пещере.

– Так, так, – Егор вскочил.

Соображалось спросонья очень медленно.

– Что делать, что делать? – заметался Егор.

К счастью, пол пещеры был неровным, и временно, можно было перенести матрас на сухое место. Егор разбудил жену. Тамара быстрее пришла в себя. Сказывался материнский опыт.

– Вы с Матвеем отнесите матрас вон туда, – Егор посветил на ровную сухую площадку, находившуюся выше уровня воды. – А я Катюшку пока на руках подержу.

Тамара и Матвей перенесли матрас. Егор осторожно положил так и не проснувшуюся дочь и вернулся, чтобы собрать все вещи. Матвей помог ему. Они сложили все необходимое рядом с матрасом. Все, что нужно было высушить, развесили на выступах стен. Тамара помогала своим мужчинам, но что-то злобно нашептывала себе под нос.

– Пойдем, посмотрим, что можно с этим сделать, – сказал Егор сыну, дабы не слышать ядовитого шипения супруги.

Вода в проходе текла с шумом и напором. Она достигала колен. Егор снова попробовал ее на вкус. Она все еще была соленой. Это совершенно непонятно. Даже если дождь размыл породу, то это могла быть только соль, причем в виде песка, чтобы успевать быстро растворяться.

Они дошли до автомобиля. Егор посветил на машину и остолбенел. Поток воды был выше крыши. Он вогнал машину своим давлением еще глубже в проход и обтекал ее со всех сторон. Машина служила пробкой, не позволяя всей массе грязной воды ворваться в пещеру.

– Пап, а что это? Потоп? – испуганно произнес Матвей.

– Не знаю, сын, но мне эти погодные светопредставления уже в печенках сидят. Пойдем посмотрим, куда можно направить эту воду, чтобы не затопило пещеру.

В противоположном от входа конце пещеры находились несколько небольших проходов, ведущих в тело горы. Егор очень рассчитывал, что некоторые из них уходят вниз. Горы мусора, застрявшие у одного из проходов, куда уходила вода, напрямую говорили о том, что здесь она течёт именно вниз. Отец с сыном принялись разгрести мусор, чтобы помочь воде уходить.

– Матвей, иди поспи, а я пока подежурю, потом ты сменишь меня, – предложил Егор сыну, когда мусор был убран.

Матвей согласился и ушел. Егор, оставшись в одиночестве, предался размышлениям. В погоде творилось что-то неладное. Откуда взялось столько соленой воды, когда до ближайшего ее источника не меньше полутора тысяч километров? Может быть, ураган разворотил какие-нибудь солевые шахты и несет их содержимое по воздуху? А ураган такой силы откуда взялся? Егор снова вспомнил, как ветер подхватил тяжеленные валуны. Определенно, что-то не так с погодой. И хорошо бы, чтобы эта непогода не разошлась далеко от этих мест, иначе быть беде. В какой ловушке они оказались? И на улицу нельзя выбежать, и здесь можно утонуть. В душе зрело возмущение. Оно не было направлено на кого-то конкретно, просто на обстоятельства, а также на собственную беспомощность против стихии.

Егор сделал пометки на камне, чтобы определять, что происходит с уровнем воды. Пока он спал, благодаря тому что мусор больше не мешал воде уходить по тоннелям. Низкий гул, передаваемый стенами пещеры, не стихал. Следовательно, ветер даже после того, как начался дождь, не стих. Странно, что при такой грозе совсем не слышались раскаты грома. Да разве только это странно? Станным Егору казалось все происходящее.

Он примостился на камне поудобнее, подтянул под себя ноги и незаметно задремал. Разбудил его телефон в кармане. Спросонья показалось, что кто-то звонит. Егор полез в карман, судорожно пытаясь вытянуть из него телефон, но когда аппарат оказался у него в руке, он увидел, что это будильник, заведенный на шесть утра.

Егор упрекнул себя за то, что уснул и подсветил на свои метки уровня воды. Уровень держался на одном месте. Хоть что-то было стабильным. Егор решил прогуляться к выходу, чтобы разведать обстановку снаружи.

Вода, или правильнее сказать жижа затыкала проход полностью, изолируя пещеру от шума ветра. Черные струи грязи, все такие же соленые на вкус, обтекали автомобиль со всех сторон. Здесь тоже ничего не изменилось. Небесные хляби, невзевь откуда исторгнувшие в мир столько воды, и не думали закрываться.

Егор притронулся к стене. Она ощутимо дрожала под рукой. Стихия не ослабевала. Егор поводит фонарем в разные стороны для порядка. В его силах было только констатировать какие-нибудь изменения да еще посокрушаться над уничтоженным автомобилем. Верного друга, ровесника его семейной жизни под крышу затащило грязью. Вряд ли он подлежал восстановлению. Егор не помнил, был ли в страховке пункт порчи автомобиля в результате стихийного бедствия. Если нет, то семье придется туго без машины.

Мужчина вернулся в пещеру. Тусклый свет единственного диода освещал Тамару и скрутившуюся у нее в районе живота Катюшку. Его девчонки безмятежно спали. Матвей спал рядом, в другом спальном мешке. Заняться было нечем, и Егор решил проверить припасы, чтобы приготовить завтрак.

Мангал с углями остался в воде. Вода не достала до них, но повышенная влажность привела к тому, что угли наотрез отказались разгораться. В мангале стоял котелок, в котором лежал недоеденный шашлык. Егор вынул котелок и поставил его на разожженную газовую плитку. Спустя минуту по пещере разнесся ароматный запах. Девчонки заводили носами и заворочались.

Первой проснулась Тамара. Она сонно таращилась во тьму, в которой был виден только силуэт Егора и маленький синий цветок газового пламени. Егор помахал ей.

– Как погода? – спросила Тамара.

– Без изменений. Вода так и фигажит в пещеру. Ветер тоже еще не стих.

– А времени сейчас сколько?

– Почти семь утра.

– Семь утра, – эхом произнесла Тамара. – Вот это путешествие мы себе устроили.

– Запомнится надолго. Может, это неспроста нам? Чтобы мы почувствовали, что нуждаемся друг в друге? – это был неплохой повод привязать природную стихию к собственным нуждам.

– Наверное, – почти согласилась Тамара. – Зачем-то же совпали наше путешествие и этот ураган.

Мясо зашкворчало в котелке. Егор выключил газ.

– Иди сюда, я дам тебе самой вкусный кусочек, – позвал жену Егор.

Тамара встала, но своими движениями разбудила дочь.

– Как вкусно у вас пахнет, – пропищала Катюшка.

– Идем и ты, я и тебе дам самый вкусный кусочек.

Дочь, единственная, кто еще не знала, что в пещеру шла вода, и она чуть не свалилась в нее. Тамара вовремя успела схватить.

– Ой, а откуда здесь вода? На улице дождь?

– Там все сразу, глядишь, еще и землетрясение скоро начнется, – зарядил оптимизмом Катю отец.

– Папа шутит, – Тамара с укоризной посмотрела в сторону Егора. – Там уже все заканчивается. Дождик вот закончится, и мы поедem домой.

– Ладно, будите Матвея, будем завтракать.

Хлеб уплыл ночью, поэтому шашлык ели с галетами из армейского сухпая. Было вкусно. Егор подсутился и приготовил напиток из остатков чая и сухого энергетического порошка, также входящего в состав сухпайка. После завтрака наступило время, которое нужно было чем-нибудь занять. Егор поручил Матвею справляться об уровне воды и состоянии входа в пещеру. О любых изменениях он приказал сообщать. Своим женщинам дал поручение проверить все сохнувшие вещи, разобрать всё, что можно, и определить, что им может еще пригодиться. А сам с блаженством погрузился в сон.

Игорь не мог понять, как долго находился в трансе. На станции всем заправляла Джейн, отошедшая от шока раньше всех. Свое вино она выпила в одиночку, не дожидаясь, когда мужчины составят ей компанию. Вся деятельность на МКС свелась к ведению внутреннего хозяйства. Никакой другой работы можно было не делать. Все ограничилось контролем автоматических систем поддержания жизнедеятельности экипажа и работой узлов станции.

В тот момент, когда ураган накрыл Новосибирск, Игорь был на противоположной стороне земного шара. Когда через двадцать минут он снова оказался над родным городом, стало понятно, что его уже нет. Новосибирск накрыло темным саваном урагана. Что-то щелкнуло в голове Кружалина, какой-то предохранитель, не дающий человеку сразу сойти с ума от осознания, что ты потерял все. С этого момента Игорь почти ничего не помнил вплоть до тех пор, когда Джейн ударила его по щеке и что-то громко прокричала на английском.

Тогда сознание снова вернулось в тело. Это не принесло облегчения. Совсем наоборот. Тоска прочно закрепилась на месте доминирующего чувства. Все что ни делал Игорь, проходило через чувство тоски, как через фильтр, каждый раз заставляя сердце ныть от горькой потери. Не раз приходила мысль покончить со всем одним махом. Разгерметизировать отсек и умереть от гипоксии. Смерть была бы легкой, несравнимой с тем, что пережила его семья и родные.

Скоро стихия закрыла планету полностью. Кроме полюсов все было затянато от взора космонавтов серо-коричневой пеленой, меняющей оттенки в зависимости от положения солнца. На северном и южном полюсах на первый взгляд было спокойно. Воронки размером в тысячу километров крутились на них, но внутри, с высоты станции, заметных изменений не наблюдалось.

Джейн приглядывала за всеми. Она понимала, что ее товарищи могут сотворить какую-нибудь глупость и старалась всегда быть рядом. Ей удалось вернуть Игоря к жизни раньше Семена. Для этого пришлось забыть, что она космонавт и вспомнить, что еще и женщина. Нет, она не охмурила своими чарами Кружалина, не попыталась затащить его в постель, дабы забыться на время. Она собрала тюбики с едой, которые показались ей более уместными для случая, и подплыла к Игорю. Из двоих мужчин Кружалин ей нравился больше, чем Семен.

– Игорь, я тебе принесла еды. Ты уже сутки ничего не ел, я переживаю, что ты скоро начнешь падать в голодные обмороки.

– Знаешь, Джейн, аппетита совсем нет. Я бы попозже поел. Часов через пять или шесть.

– Знаешь, как мне говорила в детстве бабушка, аппетит приходит во время еды.

Кружалин усмехнулся.

– Что? – Не поняла Джейн.

– Моя говорила то же самое.

– Выходит, если они считали так, то правы. Держи, это очень мужская еда, – Джейн буквально заставила Игоря взять у нее тюбик. – Говядина с острым мексиканским соусом.

Кружалин без энтузиазма вставил горлышко тюбика между губами и сжал его. Джейн поступила так же. Игорь почмокал губами, смакуя вкус блюда. Во рту немного зажгло, а желудок отозвался на острое голодным урчанием.

– О, заработало! – довольно сказала Джейн. – Это аппетит, который пришел во время еды.

– Спасибо тебе, очень вкусно. А ты сама что ешь?

Джейн посмотрела на свой тюбик.

– Фасолевое пюре с кисло-сладким бамбуковым соусом.

– Ты панда?

– Почему?

– Они любят бамбук.

Это и надо было Джейн. Юмор – первый признак излечивающейся психики.

– На второе у нас будет шоколад и сыр. В них содержится серотонин.

– А давай на второе попробуем что-нибудь из нашего.

– А что у вас есть с серотонином?

– Сгущенка с какао.

– А борщ?

– Там же нет серотонина.

– Я всегда хотела попробовать борщ. Я слышала, что у любого народа есть фирменное блюдо, которое характеризует нацию. Вот у нас это гамбургер, потому что мы вечно спешим, и нам некогда готовить. Затолкал все подряд в булку и съел по-быстрому. А вот у вас борщ, его надо варить несколько часов. Как он характеризует русских?

– Как, как. Я, честно говоря, никогда не думал о борще в таком ключе. Я бы отнес к русской еде пельмени и пирожки. Но если все же борщ, то, наверное, это в противовес американскому. Получается, у нас много времени, чтобы потратить его на готовку, и борщ не такой калорийный. Получается, что мы нация, у которой полно времени, чтобы готовить и часто перекусывать, – Игорь замолчал. – Была нация.

– Ой, ну всё. Доедай свою говядину и за серотонин. Борщ потом попробуем.

Из глубины сна Терехина выдернул настойчивый вой сирены. Когда до капитана дошло, что воеет именно «тревога», он подскочил как ужаленный. Виктор почувствовал, что с кораблем что-то не то. Пол уходил из-под ног и ощущения были как во время сильной качки на обычном корабле. Шум от ударов по корпусу участился и стал громче. Терехин со всех ног припустил в сторону рубки управления.

В тесных коридорах он сталкивался с остальными офицерами и матросами, поднятыми по тревоге. В рубке висела физически ощутимая атмосфера тревоги. Татарчук замер перед показаниями гидролокатора. Терехин подбежал к нему и поразился, увидев цифры глубины. Едва двести метров.

– Скребем по самому дну. Молись, чтобы не зацепить чего, – командир корабля произнес это настолько упавшим голосом, что Терехин невольно проникся страхом.

– Сколько еще до нормальной глубины?

– Сутки хода, не меньше. Тридцать пять узлов идем, почти вслепую. Видишь, что на экране? Рябь одна.

Виктор понял, что если в ближайшие несколько часов они не выйдут на большую глубину, то окажутся на мели. Адреналин выплеснулся в кровь. По рукам прошелся тремор. Взгляд так и лип к экрану гидролокатора. Глубина скакала вокруг отметки в двести. Воды на

этой глубине были беспокойны. Огромные водяные валы регулярно сотрясали корпус лодки. В такие моменты она теряла управление и начинала ерзать, как автомобиль на лысой резине по гололеду.

Тем, кто дежурил в прочих отсеках лодки, было еще тяжелее. Им приходилось только догадываться о том, что происходит. И воображение подкидывало самые страшные варианты развития событий. Специально, чтобы разрядить обстановку и взбодрить экипаж, Татарчук сделал доклад по громкой связи. У одного из матросов сегодня был день рождения. Командир корабля горячо поздравил его и включил песню. Песня оказалась неплохой, но искаженная колонками, не пригодными для передачи широкого диапазона звуков вкупе с барабанной дробью по корпусу лодки больше походила на фантазмагорическое представление с элементами скорой ужасной развязки. После песни во всех отсеках установилась тишина. Невесело было и самому имениннику.

Как ни пытались избежать контакта с океаническим дном, оно все равно произошло. Над лодкой было чуть больше ста пятидесяти метров воды. Сквозь мерцание падающего на дно мусора внезапно проступил контур дна, идущего на подъем по левому борту. Автоматическая система управления, пользующаяся датчиками, ставшими близорукими, слишком поздно повернула рули. Корпус лодки сотряс мощный удар. Терехина бросило на пол. Во время падения он ударился головой обо что-то. Из глаз брызнули искры.

Дежурные офицеры тут же стали раздавать команды подчиненным, чтобы те незамедлительно проверили отсеки на предмет повреждения оборудования и травм личного состава. Системы диагностики не выявили повреждения приборов. Удар пришелся по касательной, и возможно, кроме вмятины на корпусе, не оставил других повреждений. Но субмарина после удара, набрала высоту. Бурлящая как в котле вода взяла лодку в оборот.

Субмарина перестала чувствовать рули. Экипаж и все, что не закреплено, заметалось внутри отсеков. По корпусу молотило так, что казалось, в нем должны были появиться сквозные пробоины. Татарчук бросился за ручное управление кораблем. Он дал полную тягу двигателям, пытаясь стабилизировать корабль. Терехин ухватился покрепче, чтобы устоять на ногах. Его взгляд был направлен на показания гидролокатора, показывающего, что лодка находится почти у самой поверхности.

Несмотря на полную тягу двигателей, подлодка потеряла ход. Сильное течение у поверхности постепенно разгоняло корабль в обратном направлении. Командир приказал развернуть ее по течению и заполнить кормовой балласт водой полностью. Маневр был опасным. Лодка могла «клюнуть» носом в дно. Татарчук как опытный командир понимал, на что шел. В этот момент он считал эту возможность единственной, чтобы уйти на большую глубину.

Лодка стабилизировалась. На экране гидролокатора обозначился рельеф дна. Автоматика выровняла корабль. Но глубина была недостаточной, чтобы чувствовать себя в безопасности. Время шло, и воды над головой становилось все меньше. Никто из экипажа лодки не представлял, что их может ждать после того как лодка окажется на мели. Интуиция говорила Терехину, что там гораздо хуже, чем под водой.

– Виктор! – Татарчук позвал Терехина без официоза. – Смотри, какая ситуация вырисовывается, – он ткнул в экран, на котором была интерактивная карта. – До ближайшей котловины как было сутки хода, так и осталось. Может быть, нам повернуть по течению и через два дня мы снова окажемся на нормальной глубине?

Терехин понимал, какая ответственность лежит сейчас на плечах командира и понимал все его сомнения. Он мог позволить себе более холодный расчет.

– Товарищ капитан...

– Брось, давай по имени.

– Дим, смотри, – Терехин показал свой листок с расчетами. – Примерно каждый час океан мелеет метров на двадцать. Если этот ураган не прекратится, то на этом месте менее чем

через сутки будет голое дно. Если мы повернем назад, и ветер за это время не остановится, то точно сядем на мель. А я не представляю, что творится наверху, и не особенно горю желанием это знать.

– А если снова заденем что-то, о скалу, например?

– Да не было тут скал отродясь. Не первый же раз ходим.

Они оба знали здешнее дно, и отговорки командира были попытками скрыть нерешительность.

– Хорошо, Виктор, вперед так вперед.

Субмарина продолжила путь на запад. Копируя рельеф, используя каждую ложбинку в ней, корабль достиг котловины. Как изможденный ранами и погонями зверь, лодка залегла на глубину. В отсеках стало почти бесшумно. Экипаж расслабленно выдохнул. Виктор Терехин не позволял себе покинуть капитанский мостик до тех пор, пока ситуация не нормализовалась.

Когда лодка зависла на предельной глубине в четырехста пятьдесят метров от поверхности, оставив под собой почти четыре километра, Татарчук дружески похлопал Терехина по плечу.

– Ну, что, Виктор, кажется, пора хлопнуть валерьянки?

В каюте у Татарчука была заначка, бутылка дагестанского коньяка. Командир корабля не позволял экипажу ни при каких условиях брать с собой на борт алкоголь, и эта бутылка оказалась у него по чистой случайности – подарок товарища, недавно уволившегося в запас. Никакой подходящей посуды для коньяка не было, поэтому разлили по кружкам. Когда Татарчук наливал, руки у него заметно тряслись. Сказывалось напряжение душевных сил на протяжении суток.

– Короче, ну её нахрен, такую погоду, – Татарчук выпил залпом всё, что налил в кружку.

Поставил ее на стол и занюхал карамелькой. Терехин сделал так же. Крепкий напиток разошелся теплом по животу. Они пытались поговорить о ситуации, но сильно уставший организм не позволил это. Виктор понял, что если сейчас он не встанет и не уйдет в свою каюту, то уснет прямо здесь, сидя за столом. Татарчук по виду испытывал то же самое.

– Ладно, расходимся, поговорим после. С ног валюсь, – командир лодки осоловело посмотрел на товарища.

Терехин поднялся, пожал руку Татарчуку и вышел из его каюты. Капитан второго ранга с трудом добрался до своей шконки. Упал в нее и тут же отключился.

Егор не понял, сколько он спал, минуту или несколько часов. Разбудил его страшный грохот. Со сна можно было подумать, что рушатся своды пещеры. Егор вскочил, схватил фонарь и добавил света. Тамара и Катя стояли рядом и тоже напряженно всматривались в темноту. Матвея не было.

– Матвей! – крикнула Тамара и побежала в сторону выхода из пещеры.

Егор бросился за ней. Обогнал ее и чуть не столкнулся лоб в лоб с сыном.

– Нас, кажется, завалило, – произнес сын.

– Что, как завалило? – переспросил Егор.

– Пойдем, покажу.

Так и было. Вход в пещеру завалило сошедшим сверху камнепадом. Польза от этого была. Струи воды мгновенно опали. По грязным бокам автомобиля стекала густая жижа. Багажник машины немного задрался вверх из-за того, что камнями придавило передок. Пещеру надежно закупорило.

Егор и Тамара переглянулись. Это уже какой-то перебор. Кто-то свыше упорно создавал им испытания нон-стоп.

– Хоть воды не будет, – беспомощно произнес Егор.

– Семейный склеп какой-то, – не смешно пошутила Тамара.

– Типун тебе на язык. Это курорт с лечебными грязями.

– Кто станет искать нас здесь?

– Как кто? На работе все знают, куда я поехал. Сообщат, поди, когда в понедельник меня на работе не будет. Родители мои и твои знают, они уж точно забеспокоятся.

В луче фонаря Егор увидел, как у жены затряслись губы, из глаз покатились слезы. Тамара оперлась спиной о стену, обхватила голову руками и заскулила. Егор попытался обнять ее, но жена резко сдернула его руку. Сразу за этим последовала истеричная тирада.

– Ты! Ты... в жизни сделал хоть что-нибудь нормальное, а?! Я всю жизнь ждала, когда ты научишься выключать у себя дурака. Думала, что это придет с возрастом, что ты поумнеешь, и мы заживем, как люди. А ты вместо этого решил убить свою семью. Из всех самых идиотских решений ты выбрал самое идиотское. Ты идиот, Егор!

Егор представил, как бьет жену кулаком в лицо. Она ударяется головой о стену и затихает. Это могло бы на время подарить ему чувство глубокого удовлетворения, но потом его несдержанность станет между ними ледяной глыбой, через которую точно не протянуть друг другу руку. В конце концов, выговорившись, женщины снова становятся нормальными. На время.

– Успокоилась? – спросил Егор супругу, ожидающую реакцию на свою несдержанность.

– Нет! – ответила она дерзко.

– Как успокоишься, приходи наводить порядок, – Егор молча развернулся и пошел к детям, оставив жену в полной темноте.

Женщина должна при любых обстоятельствах оставаться женщиной. Тамара, чувствуя себя виноватой за оскорбление мужа, старалась искупить вину работой на пользу семьи. Она попросила Егора провести инвентаризацию всего, что у них было. Из продуктов имелось два целых пакета с сухпайком, один начатый, пять банок консервов, две рыбных и три тушенки, два пакета с крупами, десять пакетиков с лапшой быстрого приготовления, пачка подмоченного сахара-рафинада, палочка сырокопченой колбасы, тоже немного искушавшаяся в жиже, и три пакета чипсов. Из несъедобного кое-какая металлическая посуда и инструмент, спасённый из машины, насос, перочинный нож, отвертка, плоскогубцы и прочий хлам, который Егор считал необходимым возить по сроку службы автомобиля. Были еще четыре спальника, матрас, палатка, рюкзак и сумка.

Всё, что подмокло, Тамара развесила по выступам и сталактитам. В пещере было влажно и рассчитывать, что это могло просохнуть, не стоило, но и завоняться не должно. В заботах и делах тревога отступала. Время шло быстрее, и оставалась надежда, что за ними скорее явится подмога.

Тамаре хотелось попереживать за детей, но она видела, что их эта ситуация совсем не напрягает. Катя слонялась с фонариком по тем местам, до которых не достала вода. Ее, напротив, забавляло находиться в пещере. Вместе с родителями ей было совсем не страшно, и она ни разу не захотела уехать отсюда.

Матвей ходил за отцом. Они запруживали, перенаправляли потоки грязи, одним словом, всецело погрузились в свои мужские заботы. Если бы не дикость той ситуации, в которой они находились, можно было бы подумать, что им частенько приходилось заниматься подобными делами.

О еде вспомнили, когда у всех начало сосать под ложечкой. Егор посмотрел на часы в телефоне.

– Скоро ужинать пора, а мы еще не обедали, – затем расстроено произнес. – Черт, батарейка садится.

Егор приготовил из половины пачки крупы и банки тушенки кашу. Семья уплетала бесхитростную еду за обе щеки. Егор обратил внимание, что глаза все лучше привыкают к тем-

ноте. Пещеру все так же освещал фонарь, поставленный на самый экономный режим, но Егор различал противоположную стену, хотя еще недавно не видел дальше трех метров.

После обеда все решили немного прикорнуть. Егор подкачал матрас, выключил для экономии заряда фонарь и прилег, искренне рассчитывая, что его не разбудят очередные катастрофы. Обманутый отсутствием света организм проспал весь оставшийся день и всю ночь. Только когда сон уже совсем не лез, Егор вынул телефон, чтобы проверить время.

Телефон сделал попытку включиться, но моргнув экраном, отключился. Егор включил фонарь и разбудил Матвея.

– Эй, сынок, хорош уже дрыхнуть, глянь, сколько там времени.

Матвей заворочался в спальнике. Через некоторое время лицо его осветилось включенным экраном.

– Почти восемь часов.

– Восемь чего? – не понял Егор. – Утра или вечера.

– Утра, понедельника.

Егор присвистнул.

– Вот это мы поспать.

– Что с погодой? – поинтересовался Матвей.

К монотонному низкому гулу, который производили стены пещеры, все привыкли и не обращали внимания, поэтому сразу было трудно понять, успокоился ветер снаружи или нет. Егор прислушался. Гул остался, как и частая вибрация камня.

– Пока, без изменений, – произнес Егор.

– Значит, и сегодня за нами не приедут, – догадался Матвей.

– Ну почему не приедут? День длинный, ветер еще может стихнуть.

– Пап, скажи честно, ты меня за дурака держишь? – внезапно с обидой в голосе спросил Матвей.

– Нет, с чего ты взял?

– С того, что ты пытаешься сделать вид, будто этот ветер похож на обычный сильный ветер.

– Да, а разве не так?

– Не так, пап. Этот ветер похож на торнадо, как в Америке, но только торнадо движутся, а наш ветер, даже если предположить, что это торнадо, уже третий день стоит на одном месте. И ты когда-нибудь слышал про торнадо у нас?

– А может, раз в тысячу лет и по нашим степям и лесам пронесется такой торнадо? – не зная, что ответить предположил Егор.

– Пап, если бы ветер длился полчаса, я бы поверил, что это какая-то местная погодная аномалия, но ветер дует уже третий день, и ты хочешь мне сказать, что там, в нашем городе или где-то еще его нет?

– Я очень на это рассчитываю, Матвей, иначе такой ураган может натворить кучу дел.

– Кучу дел? – переспросил с сарказмом Матвей. – Я на сто процентов уверен, что сейчас он именно этим и занимается, творит кучу дел. И не будет нам никакой помощи, потому что она потребует больше всего тем, кто не попал в такую пещеру, как мы.

На шум проснулись Тамара и Катюшка.

– Матвей, не драматизируй и не пугай сестру. Ветер закончится, и за нами приедут. Не приедут сразу, так мы разберем завал и сами вернемся. Все, что ни случается в жизни, случается к лучшему.

Матвей несогласно хмыкнул и закрылся в спальнике с головой. Егор с Тамарой переглянулись. Вечно у этих подростков любая неприятность оборачивается вселенским апокалипсисом.

За время, пока семья спала, вся более-менее способная течь жидкость ушла. Осталась только густая грязь. По пещере можно было передвигаться гораздо свободнее, но наступать в грязь не хотелось. Егор проверил все стоки, в которые уходила вода. Их затащило мусором и загустевшей грязью. Прошел к выходу. Там грязи оказалось по колено. Автомобиля не было видно совсем.

– Закупорило, как сургучом, – тихо озвучил собственную ассоциацию Егор.

Отец семейства вернулся к «лежбищу». Семья не знала, чем заняться. Прежде чем начать готовить обед, Егор решил убрать грязь от того места, которое они облюбовали. Он собрал свой многофункциональный прибор в положение «лопата» и принялся сгонять грязь подальше от возвышения, где они обосновались.

– Ты как будто собираешься здесь задержаться, – заметила Тамара, глядя на то, как Егор разгоняет грязь по сторонам.

– Просто не люблю жить на помойке. Да и вы займитесь делом.

– Каким, например?

– Не знаю, сами придумайте. Дома же вы всегда находите, чем заняться.

Егор почувствовал, как какой-то предмет зацепил лопату, и что-то вывернутое из грязи блеснуло в свете фонаря. Можно было предположить, что это пустая бутылка или еще какой-нибудь мусор, коего в пещере находилось великое множество. Но любопытство заставило Егора засунуть руку в жижу и вынуть оттуда то, чего никак не могло оказаться в пещере. Это оказалась задняя часть рыбы с хвостом и плавниками. Оставшемуся от рыбы куску здорово досталось. Его словно пропустили через пресс, а потом через жернова.

– Что ты нашел? – спросила Тамара, не понявшая в сумерках, что в руках у Егора.

– Рыба, – без интонаций произнес Егор.

– В смысле? Что за рыба?

Егор прошлепал грязной обувью прямо к фонарю, переключил его на более яркий свет и направил на свою находку. Тело рыбы напоминало мишень. Оно все было в отверстиях, часть из которых забита камешками. Егор ополоснул рыбу водой и поднес к носу.

– Она почти свежая, – резюмировал Егор.

– Откуда она здесь? Как ее могло занести в горы? – недоумевала Тамара.

Егор присел и почесал затылок.

– Ничего не понимаю. До нас она не могла тут оказаться, слишком свежая для этого.

– А может быть, там потоп? – испугалась собственной догадки жена.

– А может, ее ветром принесло? – вставил реплику Матвей.

– Не говори ерунды. Откуда, из магазина что ли?

– Из реки, моря или океана. Если бы я разбирался в рыбах, то сказал бы точнее.

– Ну-ка, Матвей, давай расскажи нам свою гипотезу, – заступилась за сына мать, видя, что Егор готов снова покритиковать.

– Смотрите, когда мы были на улице, то видели, что фронт непогоды наступает с западной стороны, а пещера находится на восточном склоне, однако и здесь мы ощущаем, что ветер имеет огромную силу, – Матвей посмотрел на забинтованные ладони, вспоминая, как тянул машину, пытаясь вырвать ее у ветра. – Представьте, насколько сильнее ветер с противоположной стороны. Я считаю, что эту рыбину ветер подхватил вместе с миллионами тонн соленой воды и донес ее до нас. Скорее всего, откуда-нибудь из Атлантики. Поэтому и вода идет к нам соленая, и рыба попадаетея вместе с ней.

Матвей замолчал, а вместе с ним замолчали и все. Катюшка, не понявшая практически ничего, почувствовала напряженность момента и крепко ухватила за материну руку. Егор еще раз почесал затылок. Сын очень складно рассказывал, но теория была слишком невероятной.

– Да нет, не может быть. Если бы такой ветер начался, то ни одно здание его не выдержало бы. Сколько от нас до Атлантического океана, тысяч семь, а когда мы поняли, что к нам идет соленая вода? Часов через десять, как начался ураган, примерно. Значит, ветер должен нестись со скоростью почти в тысячу километров в час? Нет, не может быть. Этому должно быть простое объяснение. Например, люди пытались приготовить рыбу выше пещеры, а тут ветер, а потом и дождь. Вот ее и принесло с потоком. Как-то так.

– Ладно, ученые, вскрытие пещеры покажет, кто из вас прав. Давайте, запасемся терпением и будем ждать, когда нас все-таки вызволят, – примирительно произнесла Тамара.

– А сколько вы готовы ждать? – спросил Матвей.

– Кто знает, сын? В любом случае, не больше трех дней. На большее время нам просто не хватит продуктов и воды, – отмерил время до спасения отец.

– Оптимисты. До нас дела не будет как минимум месяц.

– Матвей! Хватит пугать! – у Кати не выдержали нервы.

– Да, Матвей, не нагоняй тоску своими жуткими предположениями. Нас найдут, спасут и отправят домой, а мы будем спустя много лет вспоминать, как сидели в этой пещере, нашли в ней рыбий хвост и построили на нём целую теорию о конце света.

Матвей, буркнул что-то под нос, отвернулся и уставился в телефон. Егор снова приступил к расчистке территории. Тамара занялась хозяйственными делами. Проверила сохнувшие по стенам грота вещи. В стоячей влажной атмосфере пещеры на это не стоило рассчитывать. Катюшка ходила за матерью, как тень.

В условиях изоляции от визуального восприятия смены дня и ночи произошло нарушение распорядка дня. Чувство, что организм не прочь снова поспать, преследовало всех. Катя не особо и сопротивлялась. Она постоянно укладывалась на матрац, спала по полчаса, просыпалась и бодрствовала часа два. Егор старался придерживаться «правильного» времени. Но телефоны постепенно разряжались и был близок тот момент, когда спать и бодрствовать пришлось бы интуитивно.

После легкого ужина семья спала. Егору же не давали заснуть мысли о том, что пора начинать экономить воду и продукты. Своды пещеры, вибрируя, исторгали звук, похожий на звук мощного органа, залипшего на одной ноте. От него на душе становилось тревожно. Егор настойчиво отгонял дурные мысли, но они все равно пробирались в голову.

Что, если это глобальная катастрофа? Даже областного масштаба. Это значит, что их не кинутся искать в первую очередь, да и во вторую тоже. Посчитают пропавшими без вести, пока туристы не разберут завал и не обнаружат их полуразложившиеся трупы в недрах пещеры. Егор снова вспомнил жуткую шутку жены про склеп. Его передернуло. Хотелось жить самому, но за детей было еще страшнее. Невыносима была мысль о том, что дети умрут голодной смертью. Егор решил, что с завтрашнего дня он попытается разобрать вход. Уж лучше пусть вода идет в пещеру, чем ощущение жизни как в могиле. Принятое решение помогло ему успокоиться и заснуть.

Первой, как ни странно, проснулась Тамара и сразу принялась кашеварить. Запах еды разбудил семью. Егор прислушался, искренне желая не услышать этот навязчивый низкий звук. Но он никуда не делся. Ветер под своим напором заставлял гору дрожать.

– Я попробую разобрать вход, – проинформировал семью Егор. Решительно зачерпнул ложкой еду из котелка, погонял ее по рту и удивленно произнес. – Это что? – спросил он про завтрак.

– Это та самая рыбешка, которую ты откопал. Уху вот сделала их нее, чтобы зря не пропала.

– Молодец, – оценил смекалку жены Егор.

– Вода же пойдет в пещеру, – вмешался в разговор Матвей.

– А что, если дождь уже закончился? – предположил отец.

– Пап, это не дождь, это ветер гонит воду из океанов и морей. Пока дует такой ветер, будет и вода. Если только океаны не выдует до дна. Но тогда, боюсь, суша скроется под водой, или, еще вероятнее, под слоем грязи.

– Матвей, хватит фантазировать. Ясно откуда у тебя по «окружайке» постоянно плохие оценки.

– Да меня просто Варвара не любит, – Матвей имел ввиду учительницу по «окружайке». – Я с ней спорю, а она злится, вот и ставит мне оценки низкие. А вы тоже не верите мне, хотя у самих нет никаких теорий. Вы не пытаетесь предположить что-то новое, а отталкиваетесь от своего прежнего опыта.

– Ладно, Матвей, откопаем вход, тогда и проверим твою теорию. Если киты по небу низко будут лететь, то ты прав, – отец дружески похлопал сына по спине.

Ему нравилось, что Матвей пытается смело предполагать. Хотя Егор и считал, что сын здорово преувеличивает силу урагана, но анализировать и сопоставлять факты у сына получалось здорово. Кто знает, может, он и пойдет в ученые. С кого-то в их роду должна начаться линия интеллектуалов.

Камнепад не перекрыл вход воде полностью. Грязь все равно просачивалась в нескольких местах. Тамара страховала мужа в нескольких метрах за ним. Она считала, что Егор задумал очень опасное мероприятие, как всегда, не сильно озаботившись собственной безопасностью.

Скользкие камни сидели плотно. Егор дергал их, но они не поддавались. Руки срывались. Егор несколько раз чуть не упал в грязь, которая доходила ему до колена. Тамара пыталась отговорить его от этого бесполезного занятия. Но лучше убеждений Тамары на него подействовал камень, придавивший ему указательный палец на правой руке.

Егору удалось раскатать один обломок, и когда он поддался под его настойчивыми усилиями, верхние камни, опиравшиеся на него, ухнули вниз, прищемив палец. Егор закричал и выдернул его из каменных клещей. Тамара подбежала к мужу. В свете налобного фонаря удалось разглядеть, как с грязного пальца потекла кровь.

– Быстрее, обработать! – закричала Тамара, и потащила Егора за руку в пещеру.

Отмытый палец явил разорванную плоть и почти полностью сорванный ноготь. Тамара обрабатывала палец. Егор вздыхал и охал, когда Тамара небрежно обращалась с ним.

– Дурацкая затея, – согласился Егор. – Мы же не знаем, какой высоты завал закрыл вход.

– А ты всегда так, Егор, вначале делаешь, а потом думаешь, – не удержалась Тамара.

– Вчера мне эта идея казалась вполне умной и безопасной. Я же просто хотел глянуть, каково там, снаружи. Да и от ощущения, что мы заперты в склепе, хотелось избавиться.

– Избавился? Теперь тебе еще придется избавиться от ощущения расплющенного пальца.

– Ладно, хватит, лучше попытаться, чем сидеть и ждать непонятно чего, – не выдержал Егор. – Если нет выхода с этой стороны, можно попытаться пройти в те тоннели. Какой-нибудь из них может вести на выход, – Егор указал на узкие проходы в стене противоположной от входа.

– И даже не думай. Не зря их в свое время закрыли. Спелеологи уже все облазили и наверняка знают, что пользоваться ими не стоит, – Тамара всерьез испугалась за мужа.

– Я видел в каком-то кино, как выход проверяли пламенем свечи. Там, где он был, пламя свечи тянуло в его сторону. Мы просто проверим, есть ли в каком-нибудь из тоннелей тяга.

Тамара глубоко вздохнула и укоризненно посмотрела на мужа. Она понимала, что если Егор решит проверить свою догадку, то его ничто не остановит. С одной стороны попытка что-то делать гораздо лучше, чем впасть в уныние и пассивно ждать помощи невесть откуда, но с другой, была большая вероятность свернуть башку в малоизученных и опасных тоннелях.

Егор резко поднялся и прошел к запасам, выставленным вдоль стеночки, словно они стояли в шкафу квартиры каменного века. Он взял пластиковую поллитровую бутылочку и отвин-

тил пробку. Под молчаливое наблюдение семьи он сделал несколько глотков из нее, оторвался и сморщившись, как выжатый лимон, занюхал рукавом.

– Палец болит, сильно, – Егор помахал забинтованным пальцем. – Забыл сказать, что здесь не вода. Заначка моя была, на черный день.

– И вот он наступил, – ехидно сказал Матвей. – В один черный, черный день, в черной-черной, пещере наступил черный, черный момент. И только несколько капель волшебной жидкости делали его очень светлым.

– Хм, подростковая вредность, знаю, проходили, – Егор помахал бутылкой, в которой еще оставалось больше половины. – Это пусть на всякий случай останется, для наружного применения.

Спустя пятнадцать минут Егор уснул. Во сне он держал поврежденную руку, как маленького ребенка.

С Семеном Шапиро этот трюк не прошел. Он никак не хотел вернуться в нормальное состояние. Через лоб его пролегла глубокая морщина, вызванная тоскливыми мыслями о судьбе родных. Кто знал, почему он убивался сильнее остальных? Игорю в этом плане было не легче, он потерял жену и детей, так же, как и Семен. Джейн потеряла родителей, но они были не молоды. Возможно, Семен расстался с семьей как-то нехорошо, и потому сильно переживал, что не успел сказать что-то важное, и теперь мучился чувством вины? Сам Шапиро не распространялся, а лезть к нему с вопросами Игорь считал неуместным.

Коллектив МКС перестал делиться на российский и американский. Игорь и Джейн большую часть времени проводили вместе. Семен старался уединиться. Видно было, что общество его тяготит. Он либо молчал, либо грубил, показывая, как ему все опротивело. То, что случилось с ним вскоре, было закономерным развитием его депрессивного состояния.

Шапиро надел скафандр, вышел в космос и проткнул костюм. Он не стал привязываться к кораблю, выбрав могилой космическое пространство. Игорь не сразу понял, что произошло. Шапиро не лез на глаза, поэтому его отсутствие заметили спустя некоторое время, когда поняли, что не хватает одного скафандра. Игорь пробежался по всем иллюминаторам станции, но Семена увидеть не удалось. Где-то вдалеке он различил небольшое светлое пятнышко, но им могло оказаться что угодно.

Вопреки всему на борту МКС со смертью Шапиро стало немного веселее. Нельзя говорить о покойниках плохо, но Семен усугублял атмосферу безысходности. С исчезновением Шапиро дышать на станции стало гораздо легче.

– И еды у нас теперь стало гораздо больше, – подвел итог Кружалин.

– И кислорода, – добавила Джейн.

Глава 3

Матвею запала идея про тоннели. Он взял зажигалку и незаметно ушел в противоположный конец пещеры.

Те тоннели, в которые уходила вода, можно было и не рассматривать. Вверх вода бы не пошла. Всего их имелось пять. Два забиты грязью под самый верх, и в случае нового наводнения их пришлось бы раскапывать, иначе пещере могло грозить затопление. Один тоннель из трех оставшихся был забит грязью наполовину. Видимо он шел вверх, но вход в тоннель сильно затянуло грязью.

Матвей зажег перед ним зажигалку. Пламя вспыхнуло, ударив ярким светом по глазам. Матвею с непривычки даже пришлось зажмуриться. Спустя мгновение глаза привыкли. Пламя колебалось, словно само не могло понять, есть ли движение воздуха. Матвей прошелся вдоль стены к другому тоннелю. Он начинался на уровне одного метра от пола пещеры. Стены его обросли потеками и походили на кишку огромного животного. И здесь пламя вело себя неопределенно. Можно было подумать, что воздух в этом ответвлении двигался порывами то в одну, то в другую сторону.

– Матвей! – под сводами пещеры раздался встревоженно-требовательный голос матери.

Матвей так и не успел как следует проверить последний тоннель. Он зажег огонь, но пламя погасло, и привыкнув слушаться родителей, он вернулся назад, так и не убедившись в наличие тяги.

– Ты почему сбежал молчком? – мать строго посмотрела на сына.

В свете фонаря ее глаза блеснули адским гневом.

– Прости, мам. Хотел проверить теорию отца, про тягу в тоннелях.

– В следующий раз будешь предупреждать, даже когда соберешься в туалет.

– Хорошо. Я понял.

На самом деле Матвей понял, только то, что нужно как следует проверить последний тоннель. Но позже, когда мать чем-нибудь займётся.

– Ты бы лучше Катюшку отвлек бы, а то она сидит с камешками играет. Телефон ей дай свой что ли, поиграть.

– Не дам! – категорично заявил сын. – Там заряда процентов двадцать осталось. А без моего телефона вы даже знать не будете, какой сегодня день и время суток.

– Жадина, – отозвалась Катюшка, слышавшая разговор.

– Не дам. Могу пересказать последний фильм про хоббитов. Хочешь послушать?

Катя оживилась. Сунула камешки в карман и присела ближе к брату.

– Хочу. Мы закончили в последний раз, когда гоблины чуть не съели гномов, – напомнила она. – Помнишь, когда я за тебя пропылесосила?

Мать резко повернулась в сторону Матвея.

– Матвей, – с укоризной сказала она. – Чтобы в первый и последний раз я слышала об этом.

– Хорошо, мам, – Матвей виновато опустил глаза, тайком показав сестре кулак.

Катюшка поняла, что сболтнула лишнее и прикрыла рот рукой.

Монотонный рассказ Матвея сверг сестру в глубокий сон. Матвей и сам не заметил, как уснул. Когда он проснулся, оказалось, что все остальные члены семьи еще или уже спят. Он включил телефон и посмотрел на время. Был вечер вторника. Трое с половиной суток не утихла стихия.

Матвей вынул зажигалку и высек из нее пламя. Ситуация идеально подходила для того, чтобы проверить тягу в последнем тоннеле.

Егор проснулся с чувством подсознательной тревоги. Он сразу не мог понять, вызвано оно похмельным синдромом, отбитым пальцем или чем-то еще. Он огляделся. Тамара и Катюшка спали, прижавшись друг к другу. Отсутствие Матвея он заметил сразу, но не придал ему значения. Скорее всего, посчитал он, что сын отошел по нужде. Егор занялся своим пальцем. Дергающая пульсирующая боль простреливала по всей руке, до плеча. Егор боялся представить, какие его ждут бессонные ночи. Захотелось до жути, чтобы быстрее все закончилось, вернуться домой, показать палец врачу, получить от него всезаживляющую мазь и наглотававшись обезболивающих, проснуться утром совершенно здоровым.

Сын что-то задерживался. Егор, чтобы немного отвлечься, решил пройтись по пещере, заодно найти Матвея. На входе сына не оказалось, да и делать там ему было совершенно нечего. Слишком много грязи. Егор прошел всю пещеру по периметру, но безрезультатно. Решив, что они разминулись, Егор вернулся на «лежбище». Матвей там тоже не появился. Егора пронзила догадка. Он бросился к Тамаре.

– Тамара! Тома! Проснись!

Жена подскочила и испуганно уставилась на Егора.

– Что случилось?

– Матвея нигде нет. Не в тоннели ли он полез?

– Конечно, вот придурок. Он ходил, светил в них, тягу искал, – Тамара на ходу рассказывала Егору, почти бегом направляясь к последнему тоннелю. – Весь в тебя, если дурь в голову затесалась, не выйдет, пока по башке не получит.

Егор промолчал. Не время и не место меряться характерами. Воображение уже рисовало страшные картины предполагаемых вариантов трагедии.

– Я думаю, он сюда полез, – мать встала перед последним тоннелем. – Я его отсюда согнала. Матвей! – крикнула она в недра горы.

– Матвей! – громким басом прокричал Егор. – Вернись, там опасно!

В ответ тишина.

– Так, так, – заметался Егор. – Мне нужен мел или фломастер, чтобы оставлять заметки на стенах, и запасной фонарь.

Матвей, пока в проходе тоннеля виднелся огонек фонаря, чувствовал себя спокойно и уверенно. Тяга точно показывала ему, в какой тоннель следовало идти. Пройдя несколько развилок, Матвей понял, что поступил опрометчиво, не отмечая пройденный путь. Все повороты выглядели совершенно одинаково, и вскоре паника стала холодными щупальцами стискивать последние здравые мысли ускользающего сознания.

Паника – плохой подсказчик. Вне себя от страха, Матвей то карабкался вверх, то проваливался вниз. Он окончательно выбился из сил. Ему все же хватило ума остановиться и попытаться поразмыслить над той ситуацией, в которой он оказался. Он находился в небольшом гроте, где-то в глубине горы. Куда нужно идти, он не знал даже примерно. Несколько узких ходов разветвлялись в разные стороны. Зажигалка показывала, что тяга есть в паре из них, следовательно, остальные тупиковые.

В этот момент Матвей понял, что наличие острого ума, не подкрепленного жизненным опытом и твердым характером, может сослужить его владельцу очень дурную службу. Страх почти отнял способность нормально соображать, а остальных качеств молодой человек еще не нажил. Больше всего ему хотелось, чтобы за ним пришел отец и отвел назад. Пусть даст оплеуху, он ее честно заслужил. Но только чтобы пришёл.

Матвей решил ждать здесь. Его обязательно кинутся искать, и если он будет плутать по многочисленным тоннелям и пещерам, то его поиски здорово усложнятся. В маленькой пещере он просидел около часа. Иногда ему казалось, что он слышит какие-то звуки. Он начи-

нал кричать и звать отца. Но ответа не следовало, и приходилось списывать звуки на игру воображения или на силу стихии, генерирующей звуки в горе.

Примерно через час ему послышался писк. Вначале он подумал, что мерещится, но писк повторялся постоянно. Матвей обвел небольшое пространство пещеры лучом налобного фонаря. Он чуть не лишился дара речи, когда увидел отразившийся свет в десятках пар маленьких глаз.

Не помня себя от страха, Матвей бросился в первый попавшийся тоннель. Он полз, карабкался, где можно было бежать, бежал. Страх застил ему все остальные чувства. Он не сразу заметил, что впереди нет опоры. Нога ушла в пустоту. Потом резкий удар головой и сознание вместе со вспышками в глазах покинуло мальчика.

Егор кричал изо всех сил. Горло уже саднило, но сын не отзывался. Отец уже не испытывал раздражения, остался только страх за него. Стараясь в этом состоянии не натворить глупостей, Егор брал себя в руки и тщательно планировал маршрут.

Тоннели становились то уже, такими, что можно было пролезть только боком, то расширялись, позволяя идти во весь рост не нагибаясь, то переходили в полноценные пещеры, куда не ступала нога человека. Следов присутствия сына в них не было.

– Матвее-е-ей! – прокричал отец в миллионный раз и закашлялся.

Его голос разошелся по разветвлениям тоннелей. Ответа не последовало. Егор нарисовал ноль на том входе в пещеру, из которого только что выбрался, и единицу рядом с тем, куда собирался залезть. Секунду повременив, он ступил в узкий тоннель и почувствовал, какой сильный сквозняк был в нем.

Егор подумал, что сын мог выбрать этот тоннель, и уверенно двинулся по нему вперед. Ответвлений и развилок у него не было. Сквозняк набирал силу и посвистывал в поворотах. Егор даже обрел уверенность, что именно этим путем и направился Матвей искать выход.

Путь прервался мгновенно, за очередным поворотом тоннель внезапно обрывался в горизонтальном расположении и резко поднимался вверх. Абсолютно вертикально, как печная труба. Егор осветил фонарем вверх. Гладкие стены с потеками, за которые не зацепиться. Матвей здесь точно бы не залез. Укоренившаяся надежда, что он на правильном пути, рухнула. Егор ругнулся, пнул ни в чем не повинную стену и уныло побрел по обратному маршруту.

Матвей пришел в себя в полной темноте. Ему казалось, что он ослеп от сильного удара. Лоб саднило, и запекшаяся кровь коркой прилипла к веку. Но с открытыми и закрытыми глазами было одинаково темно. Мальчик ощупал налобный фонарь. Он разбился. Зажигалку он потерял, когда падал. У него остался только телефон. Матвей со страхом нащупал его, боясь, что и телефон мог повредиться от удара.

На ощупь телефон был цел. Экран зажегся. Мальчик осветил им пространство. Вокруг только камень и непроглядная тьма впереди. Матвей дождался, когда загрузится операционка, чтобы включить фонарь.

Более яркий свет осветил перед мальчиком край бездны. На расстоянии вытянутой руки от того места, где он лежал, находился обрыв, до дна которого не доставал луч фонаря. Матвея передернуло от мысли, что было бы с ним, если бы он пролетел еще немного.

Он осветил назад, туда, откуда свалился. Двухметровый уступ находился совсем рядом. Мальчик попытался зацепиться за его край. Пальцы скользили по холодному и мокрому камню. Каменная стена была ровной, ногам не находилось никакой опоры. Вместо того, чтобы залезть, можно запросто свалиться в бездну. Матвей сел на корточки. В голове стучало. Не хотелось ничего, ни двигаться, ни возвращаться, ни пытаться залезть.

Сколько он просидел в таком положении, Матвей не знал. Может быть час, а может и дольше. В какой-то миг ему показалось, что он слышит голос. Неясный, перебиваемый гулом

горного «органа». Матвей прислушался. Тишина. Потом снова послышался, и снова минуту было тихо. В третий раз Матвей понял, что это не галлюцинация и не игра сквозняков. Он явственно различил голос отца, зовущего его по имени. Что было сил, мальчик закричал:

– Па-а-а-а-а-ап! – его крик перешел в плач. – Папа-а-а-а-а! Я здесь!

Матвей трясущимися руками включил телефон и принялся махать фонарем в сторону тоннеля, откуда он упал.

– Матвей! – отец услышал его. – Сынок! Ты где!?

– Здесь! Здесь! – кричал Матвей, размахивая телефоном.

Из глаз слезы лились градом. Матвей увидел, как мечется по стенам свет фонарика. Спазмы рыданий сотрясали тело мальчика.

Егор увидел свет фонаря и направился в его сторону. Он слышал, как рыдает Матвей. Но сердце отца переполняла только радость от того, что сын нашелся, и нашелся живым. Пробравшись сквозь узкий тоннель, он подобрался к краю уступа. Свет фонаря осветил лицо сына. Огромная рана на голове, лицо в запекшейся крови, и она частично размазана по лицу вместе со слезами.

– Держи руку! – твердо сказал отец.

Матвей протянул руку. Отец подтянул его как пушинку. Все-таки свое дитя не тянет.

– Ты как? – спросил Егор.

– Нормально, – Матвей прикоснулся к ране на голове. – Болит немного.

– Пустяки, сейчас обработаем.

– Пап... – трясущимся голосом начал Матвей. – Па-а-ап, простите меня, что я полез в тоннели. Я думал... я думал найти выход.

– Ты правильно думал, сын, но сделал это через одно место. Давай договоримся как мужчина с женщиной, никаких глупостей, без согласования друг с другом. Видишь, что из этого получается, у меня палец разбит, у тебя голова. Так скоро дееспособными останутся только наши женщины.

– Хорошо, пап, даю слово, что никуда не сдвинусь с места без твоего разрешения.

– Молодец. А я, кажется, нашел тоннель, который ведет наружу, в нем такой жуткий сквозняк. Надо будет его непременно обследовать потом. Вместе.

– Хорошо, пап.

Матвей, перенесший всю гамму переживаний, вдруг обрел такую внутреннюю радость, которую можно было сравнить с божественным блаженством. Он понял, насколько сильно любит свою семью, состояние себя внутри семьи и даже строгость родителей в этот момент он любил безмерно.

Тамара вместе с Катюшкой сидели у входа в тоннель и молча ждали. Сколько жутких мыслей проскочило в голове бедной матери. Не хотелось верить в плохое, но оно само настойчиво просилось в мысли. И только когда вдалеке по стенам замелькал свет, она обрадованно вскочила и крикнула в темноту тоннеля.

– Егор, это вы? – она верила, что возвращаются оба ее мужчины.

– Мы, – глухо донесся из тоннеля голос Егора.

Тамара прижала ладонь к лицу. Из глаз брызнули слезы. Катюшка прильнула к матери и уткнулась лицом в одежду. Через минуту вначале Егор, а за ним и Матвей выбрались из прохода. Тамара кинулась обнимать сына.

– Осторожнее, у него ссадина на голове, – предупредил ее муж.

Егор посветил на Матвея. Тамара увидела рассеченную голову, сгустки запекшейся и размазанной по лицу крови, и чуть не лишилась сознания.

– Как же ты так, зачем ты пошел туда? – тараторила она скороговоркой.

– Ладно, Тамар, допросы устраивать, пойдем, обработаем ему рану.

Отмытая водой и обработанная спиртом, она уже не выглядела так устрашающе. Тамара успокоилась немного. Матвей поел и уснул, довольный тем, что ему никто не устроил нудных нравоучений.

– Бедняжка, – мать с нежностью провела рукой по спине сына.

– Это урок, очень жестокий, но на всю жизнь, – сказал Егор, надеясь, что сыну хватило ума его извлечь. – Матвей рассказал, что видел десяток крыс. У этих животных нюх лучше собачьего, как бы они не потянулись следом за нами.

– Вот напасть, одно за другим. Теперь я не смогу спать спокойно. Может, заложить вход?

– Я думал об этом, но не придумал, чем заложить. Если смешать мусор с грязью, то их это не задержит, камней здесь нет, да и палец свой не хотелось бы мочить. До сих пор дергает. Может быть, нам смены организовать? Все равно ночь круглые сутки.

– А вдруг их тысячи?

– Ладно, как только вопрос перейдет из гипотетической фазы в практическую, так мы сразу и придумаем, как действовать.

– Хорошо, но спать теперь все равно боязно как-то.

– Спи, если хочешь, а я пока подежурю. Посижу возле тоннелей.

– Хорошо, Егор, спасибо, я так устала, столько нервов потратила, сил никаких нет.

Тамара поцеловала Егора в губы. Тот шлепнул ее под зад, взял с пола топорик и пошел к тоннелю, из которого совсем недавно выбрался.

В одиночестве мысли упорядочиваются. Сама собой пришла идея о запаске, которую Егор вынул из машины. Крыс, если они и появятся когда-нибудь, можно было бы шугануть дымом горящей резины. Наверняка этот запах напугает животных. Егор не представлял, на сколько времени можно растянуть покрывку. На день или два, если порубить ее на небольшие куски. Тем не менее, идея Егору пришлась по душе. Она выглядела более практичной, нежели гонять топориком скопища шустрых животных по пещере.

Не откладывая дело в долгий ящик, Егор притащил запаску к тоннелю, выпустил из нее воздух и принялся рубить топориком. За час напряженного труда от запаски остались только мелкие куски. Егор сделал «тревожный набор»: сложил в металлическую походную тарелку кусочки покрывки, положил рядом бутылку с жидкостью для розжига и зажигалку.

Немного подумал и решил проверить, как это будет работать. Словно готовя блюдо «а ля фламбе», Егор полил кусочки резины жидкостью для розжига. Выставил тарелку в проход тоннеля, поднес зажигалку к тарелке и чиркнул колесиком. Пламя сразу занялось. Через полминуты заадила резина. Сквозняк уносил черный дым вглубь хитросплетений пещер и тоннелей. Дабы не допустить быстрого прогорания резины, Егор прикрыл половину тарелки примятой жестяной банкой. Та недолго выполняла свою функцию. Под воздействием температуры банка начала скукоживаться и потекла.

Из ниоткуда, как тень, рядом появилась Катюшка. Она как зачарованная смотрела на пламя.

– Что делаешь? – спросила она.

Егор не хотел пугать ее рассказами про крыс. Впечатлительный ребенок мог начать бояться больше, чем нужно.

– Да тягу проверяю. Думаю, может ветер закончился уже, – соврал отец.

– Гудит, я слышу. Из-за него я и проснулась. Сон страшный видела, там все гудело. Я проснулась, сон ушел, а гудеж остался.

– Не бойся, малышка, мы сейчас в безопасности. Там, снаружи, гораздо хуже.

Егор сам не знал, насколько был прав. Дочь села ближе к отцу. Егор обнял ее, и они долго сидели молча, глядя, как пламя постепенно затухает. Когда оно потухло, Егор понял, что глаза снова ничего не видят. Только в глубине пещеры слабо светил фонарь, указывая им направление, как маяк.

– Есть охота, пап, – пропищала над ухом дочь.

Егор посадил ее себе на закорки, чтобы Катюха лишний раз не месила грязь не приспособленной для этого обувью.

– Сейчас приготовим что-нибудь, – пообещал отец, вспоминая, что из припасов у них еще осталось.

На импровизированной полке стояли в ряд три банки рыбных консервов и полпакетика крупы, воды оставалось меньше половины пятилитровой бутылки и наполовину израсходованный пакет сухпайка. Интуиция подсказала Егору, что пора бы уже начать здорово экономить припасы. Мысленно он разделил оставшуюся еду и воду на пять дней. Выходило совсем по ничтожной порции. Воду еще можно найти где-нибудь в пещерах, но с едой все обстояло очень плохо. Егор вспомнил про крыс. Отличный источник сбалансированного питания. Только как их найти и поймать, Егор не представлял. Возможно, стоило наоборот привлечь грызунов в гости.

Шел пятый день заточения в каменном склепе. Из-за того, что сон и бодрствование перестали подчиняться нормальному распорядку, ориентированному на световой день, Егор понимал, что через несколько дней они совсем потеряют счет дням. А может, уже потеряли. Сон стал частым и прерывистым, и по нему нельзя было отмерить продолжительность суток. Дети просили есть. Родительские сердца надрывались, но поддаться им означало, что в будущем их точно могла ожидать голодная смерть.

Первым не выдержал Егор.

– Всё, я беру Матвея, и мы идем к той пещере, где на него напали крысы.

– Я не хочу крыс, я не буду их есть, – закапризничала Катя.

Но голод заставлял и подошвы грызть. Егор взял многофункциональный топорик, встряхнул и повесил на одну руку рюкзак, дал в руки сыну пустую пятилитровку и решительно направился к тоннелям.

– Егор, а может, скоро все прекратится, может, подождать немного? – неуверенно начала Тамара.

– Не может. Идем, сын, – Матвей потрусил рядом. – Храните домашний очаг! – через плечо крикнул Егор.

– Как скажешь, очаг, так очаг, – вполголоса согласилась Тамара.

Егор шел по своим заметкам. Мenee, чем через полчаса они оказались в той пещере, где Матвей увидел крыс.

– Я стоял здесь, – Матвей повторил события того дня. – И думал, куда мне пойти, потом услышал писк и посветил в эту сторону, а там глаза, как огоньки, – его передернуло от воспоминаний.

Егор посветил фонариком туда, куда указывал Матвей. Опустил его почти к самому полу, пытаясь что-нибудь рассмотреть. Он нашел несколько небольших черных продолговатых комочка.

– Так и есть, крысиный помёт. Тебе не померещилось.

Егор осветил пещеру, из которой пришли крысы. Она была узкой, но пролезть, согнувшись в три погибели, можно было. Егор написал букву «К» перед входом, что означало «крысы».

– Пойдешь со мной, или останешься? – спросил отец сына.

– С тобой, – с готовностью согласился Матвей.

Первым полез Егор. Судя по запаху, крысы часто пользовались этим тоннелем. Чем дальше они продвигались, тем явственнее в воздухе становилось присутствие грызунов.

– Воняет, – заметил Матвей.

– Воняет, – согласился отец. – Мы где-то рядом с их жилищем.

– Пап, а что они едят в пещерах. Здесь же нет ничего?

– Это тебе кажется, что нет, на самом деле здесь полно насекомых, летучих мышей, да и выход на поверхность где-то есть.

– Зачем ты мне про насекомых сказал. Мне теперь страшно руками в темноту опираться.

– Не бойся, где ходят крысы, никаких насекомых нет, одни крысиные какашки.

– Спасибо, теперь мне гораздо спокойнее.

– Тихо! – отец замер. – Слышал?

– Нет.

– Писк.

Егор перехватил топорик поудобнее и уже гораздо осторожнее двинулся по пещере. Вскоре и Матвей расслышал крысиный писк, нехорошими воспоминаниями пробежавший в мыслях.

Пещера расширялась. Егор привстал, разминая уставшие ноги. Вонь тут была ощутимой, а писк стал громче. Через несколько шагов отец остановился. Матвей выглянул из-за него и увидел отсветы в маленьких глазках. Его передернуло. Отец двинулся дальше. Вскоре показались и сами крысы.

Несколько животных, никогда не видевших свет, стояли, приподняв мордочки вверх и смешно дергая мордашками, нюхали воздух. Запах человека им был незнаком. Егор сделал шаг в их сторону. Крысы немного отступили. Тогда Егор сделал рывок и с ходу ударил топориком ближайшую крысу. Кровь брызнула в стороны из разрубленного тела. Егор ударил по другой крысе, промахнулся, ударил еще, попал. Крысы смекнули, что чужак несет им смерть, и быстро исчезли из тоннеля. На полу осталось лежать три разрубленных тушки. Егор закинул их в рюкзак.

– Брр-р, я не уверен, что смогу их есть, – признался Матвей.

– Голод не тетка, и не такое люди едят, когда прижмет. Кажись, крысы поняли, что на них охотятся, как ветром сдуло.

– Я читал когда-то, что смертельно раненая крыса издает определенный звук, который другие сородичи понимают, как предупреждение.

– Да они и пискнуть не успели. Пройдем еще немного, посмотрим?

– Давай.

Крысиный помёт воспринимался под ногами уже как нечто естественное. Место было давно обжитое и напоминало чердак дома, облюбованного голубями. Кругом одни продукты жизнедеятельности, и ни одной крысы.

– Сообразительные твари, – Егор остановился. – Думаю, что сегодня они нам больше не попадутся. Пошли назад, воду поищем.

Воздух снова стал пахнуть свежестью, когда мужчины вылезли из «крысиной» пещеры.

– А ты не помнишь, что было в той пещере, откуда я тебя вытащил?

– Ничего, вроде, я и не рассматривал. Обрыв рядом, свет от телефонного фонарика до дна не доставал.

– Пошли туда, где я уже проходил, никакой воды не было.

Матвей дорогу не помнил. Шли по отцовским заметинам на стенах. Путь оказался намного длиннее, чем считал сын, проделавший его в беспамятстве.

– Вот мы и пришли, – Егор осветил фонарем в бездну.

Он обследовал края двухметрового обрыва, нашел камешек и бросил его в темноту. Камень гулко ударился о каменное дно.

– Не так уж и глубоко. Оставайся здесь, если, что подашь мне руку, а я попробую рассмотреть, где у этой ямы дно.

Матвей плохо представлял, как он сможет вытащить отца, весящего больше него раза в два, но подчинился. Рана на голове еще отчетливо напоминала о самостоятельном опыте.

– Хорошо, пап.

Егор осторожно спрыгнул с двухметрового откоса. Снял с головы налобный фонарь и на вытянутой руке опустил его вниз. Более яркий свет выхватил из темноты дно ямы. В самом низу, словно шипы в древней яме-ловушке на мамонтов, росли вверх островерхие сталактиты. Образованные растворами светлых минералов, они блестели в лучах фонаря, откидывая по стенам ямы тусклые «зайчики». Между сталактитами блестело дно. Егору очень хотелось, чтобы это была вода. Он нашел еще один камешек и прицельно бросил его в сторону блеска. Камень характерно хлюпнул, как от попадания в воду.

– Там вода! – радостно сообщил Егор.

– Ух, ты, здорово! А как ее набрать?

Егор осветил стены. Они были неровными, но удобных выступов не имелось. Потечи воды с растворенными в ней минералами, откладываясь на стенках ямы, слизали все грани. Без веревки и думать не стоило о том, чтобы опуститься на дно. В голове Егора уже сложился план, но для этого требовалось вернуться на базу.

Обратную дорогу Егор отчасти выучил, и многочисленные одинаковые проходы мог отличить друг от друга. На самом подходе к своей пещере он и Матвей услышали далекое пение. Тамара напевала колыбельную.

– Чего это она? – удивился Егор. – Тут и без колыбельной спать все время хочется.

Они выбрались из тоннеля. В пещере стояла полная темнота. Слабый свет фонарика отсутствовал.

– Тамара! – крикнул Егор. – Это мы!

Как будто это мог быть еще кто-то кроме них.

– У нас фонарь выключился, – сказала Тамара, когда подошли муж и сын. – Катя испугалась темноты, попросила меня петь.

– Так гудеж не слышно, – пропищала дочь.

– Вот незадача. И зарядить его нечем, и налобные фонари скоро сядут. Придется здорово экономить.

– Как сходили? – спросила Тамара.

Егор вывалил из рюкзака три изуродованных крысиных тушки.

– Мамочка! – Катюшка схватилась за мать, увидев окровавленных крыс.

– Шкурку надо снять с них, да варить поставить одну. А консервы пока поэкономить.

Тамара почувствовала, как рвотный рефлекс подкатил к горлу. Она была голодна, но вид дохлой крысы напрочь убивал в ней аппетит. Она представила, насколько ей нужно проголодаться, чтобы захотеть съесть это омерзительное животное.

– Надо, Тома, надо, – наставительно и иронично сказал муж, чувствуя эмоции жены. – А то пропадут. Мы с Матвеем нашли пещерку с водой, сейчас снова туда ходим, попробуем набрать.

Егор разобрал автомобильный набор первой помощи и вынул из него ленточный буксировочный трос.

– Спускаться придется немного вниз, – объяснил он Тамаре.

– Осторожнее, мальчишки, и быстрее возвращайтесь. Нам без вас страшно.

Егор оставил Тамаре свой налобный фонарик, чтобы она смогла разделать крыс, а себе взял старый советский с динамо. Аккумулятор в нем давно не держал, так что приходилось постоянно тренировать динамо, разрабатывая кисть. Под энергичные «вжикания» фонарика они с сыном снова удалились в темные тоннели.

Перед обрывом Егор снял с себя ремень. Свой любимый кожаный ремень, похожий на армейскую португею, и протянул его сыну.

– Зачем это? – удивился тот.

– Затем, Матвей, что лезть придется тебе. Меня ты не удержишь.

Ремень немного болтался на щуплом теле сына. Егор пристегнул карабин к ремню.

– Это страховка, не надейся, что ремень тебя обязательно выдержит, держись за трос крепко.

Матвей немного растерялся от такого поворота дел. Ему казалось, что отец не совсем вправе отправлять его на дно ямы, что может быть опасно.

– Не трусь, Матвей. В детстве для меня это было такой же привычной вещью, как для тебя вечное сидение в телефоне и компьютере. Просто держись, а я буду травить понемногу.

– Травить? – не понял значения слова сын, воспитанный цифровой эрой.

– Опускать понемногу, – пояснил отец.

Трясущимися руками Матвей ухватился за трос и встал на краю. Отец уперся ногой в выступ, обмахнул в один раз вокруг себя трос и замер.

– Готов? – спросил он сына.

– Готов, кажется, – неуверенно сказал Матвей.

– Ложись на живот и спускайся. Ищи ногами опору, чтобы руки не уставали быстро.

– Хорошо, я попробую.

Матвей лег на краю обрыва, свесив ногу вниз. Егор видел дергающийся фонарик и слышал шарканья ботинок по стене в поисках опоры.

– Тут ничего нет, пап, гладко всё.

– Тогда берись обеими руками за трос и просто спускайся.

Совершенно неподготовленный для этого ребенок слишком много делал всего, чего не надо было делать. Он пытался на краю, не решаясь полностью опуститься вниз. Продолжал скрести ногами по стенкам вместо того, чтобы просто повиснуть на тросе.

– Матвей, я начинаю травить, просто держись за трос.

– Сейчас, сейчас, я еще не готов, – испуганно возразил Матвей.

– Соберись, Матвей, я начинаю.

Фонарик дернулся и исчез, выхватив светом край ямы.

– Ты как? – спросил отец.

– Держусь, – с натугой произнес Матвей.

Егор принялся травить трос. Метр за метром он опускал сына вниз. Трос перестало тянуть, когда в руках еще оставалось не меньше метра.

– Я на дне! – крикнул Матвей. Голос его немного дрожал.

– Осмотрись, как следует, точно на дне? – попросил его отец.

Фонарик забегал по дну ямы.

– Точно, – подтвердил сын.

– Отстегивай карабин и лови бутылку.

Матвей отстегнулся. Егор обмотал свободный конец вокруг себя. Потом он достал фонарик и осветил им в яму.

– Лови бутылку.

Пустая пластиковая ёмкость стукнулась о дно. Матвей подобрал ее и пошел в сторону воды. Егор изо всех сил желал, чтобы эта жидкость оказалась нормальной питьевой водой. Матвей нагнулся над поверхностью и утопил в ней бутылку.

– Попробуй, не соленая? – попросил его отец.

Матвей нагнулся над водой по-собачьи и сделал глоток.

– Нет, нормальная, очень вкусная, как родниковая.

Камень с души свалился у отца семейства. В пещере жила еда и была вода, и смерть от недостатка того или другого пока им не грозила. Матвей набрал бутылку, но вместо того, чтобы сразу пойти к тросу немного прошелся по яме.

– Пап, здесь вещи чьи-то лежат! – крикнул Матвей.

– Что за вещи? – Егор зашумел динамо, пытаясь достать светом до того места где стоял сын.

– Рюкзак и одежда.

– Тащи все сюда.

Матвей поднес находку к тому месту, где свисал конец буксировочного троса.

– Цепляй к карабину бутылку, одежду и рюкзак.

Матвей зацепил. Егор вытянул находку сына наружу. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, вещи пролежали здесь не одно десятилетие. Старый советский рюкзак из толстого брезента обветшал и с трудом выдерживал на весу свое содержимое.

– Цепляйся сам! – крикнул Егор сыну.

Матвей поймал конец веревки, пристегнул карабин к ремню.

– Готов, тяни!

Подъем прошел проще. Матвей уже разобрался, какие от него требуются действия. Отец помог ему перевалиться через край ямы.

– Прогресс налицо, цифровая интоксикация постепенно покидает твой организм, – подколол Егор сына.

Матвей не ответил на подколку.

– Что там лежит? – кивнул он в сторону рюкзака.

– Еще не смотрел.

Отец нагнулся и попытался расстегнуть кожаные лямки. Неловко потянув, он оторвал их вместе с куском истлевшего брезента. На землю посыпалось содержимое рюкзака. Банки покатались под уклон. Матвей упал, как заправский голкипер в воротах, загородив телом падение.

Вместе с отцом они собрали банки. Бумажные этикетки истлели и поблекли. Разобрать, что было внутри каждой, не представлялось возможным. Этикетка рассыпалась от малейшего прикосновения. Кроме банок из рюкзака вывалился кое-какой инструмент. Раскладной нож, судя по нетронутому ржавчиной лезвию из нержавеющей стали, пара металлических клиньев для забивания в щели, старый железный фонарик, обросший окислами так, что только по форме можно было признать в этом устройстве фонарь. Небольшой термос с лопнувшей от старости пластмассовой крышкой.

Крышка насмерть прилипла к горлышку. Егор попытался ее открыть, но она крошилась под пальцами. Егор разломал ее и понюхал содержимое термоса. Затем перевернул термос и потряс. К удивлению обоих, из термоса вывалился бумажный цилиндр.

Егор поднял его и развернул. Бумага была обильно промаслена. Сквозь ее полупрозрачную поверхность проступал текст, написанный от руки.

– Похоже на послание из бутылки. Кто-то сквозь десятилетия оставил напоминание о себе, – полусерьезно сказал Егор.

Он поднес бумагу ближе к глазам и прочел:

«Меня зовут Хомутов Игорь. Если вы читаете эту записку, значит мое исследование подводной реки окончилось неудачей. Согласно некоторым легендам башкиров именно в Черной пещере имелся проход глубоко в тело горы, где находилась огромная пещера, полная драгоценных самоцветов. Когда людей обуяла алчность, горные духи перекрыли доступ к пещере с драгоценностями подземной рекой. Смелчаки пытались проплыть под водой, задержав дыхание, но никто из них не вернулся. Я беру с собой кислородный баллон и маску. Надеюсь, мне повезет больше. 13.05.1974 г».

– М-да, как видим, дело было не в кислороде. По крайней мере, теперь мы точно знаем, что по реке из пещеры не выбраться. Покойся с миром, Хомутов Игорь.

Еще в рюкзаке обнаружилась окаменевшая соль в спичечном коробке, коробок спичек с полностью растворившейся серой, пачка таблеток сухого горючего, комсомольский билет, журнал «Крокодил», взятый, наверное, для создания стола в походных условиях, но самым

интересным и нужным в сложившихся обстоятельствах была литровая банка, залитая под верх парафином. Чтобы не разбить банку, Игорь обмотал ее пеньковой веревкой, которая могла служить фитилем. В парафин были запаяны с десяток охотничьих спичек. В том, что они сохранили свои свойства, сомнений не осталось.

– Не зря мы за водичкой сходили, правда, Матвей?

– Правда, пап. А ты думаешь, консервы, которые старше тебя, еще можно есть?

– Думаю, что с ними ничего не стало. Здесь ведь прохладно, температура как в холодильнике, консервы в таких условиях могут храниться вечно.

– Это хорошо, а то я как-то не хочу крысиный суп.

– Ладно, сын, отложим гурманский подвиг на потом, раз уж судьба сжалилась над нами. Поедим советских консервов. Они, кстати, абсолютно натуральные. Ты такого не ел, гарантирую.

После того, как Егор приказал экономить свет, девочки пользовались налобными фонарями только по необходимости. В пещере было темно. Гул в темноте казался немного громче. Может оттого, что органы зрения не задействованы и мозг в качестве компенсации усиливал слух. Тамара услышала шум до того, как Егор выбрался из тоннеля.

– Пришли? – крикнула она.

– Пришли, включайте свет для ориентира.

Во мраке пещеры светляком вспыхнул и задергался свет. Матвей шел впереди, подсвечивая дорогу отцу, несущему рваный рюкзак.

Удивлению женщин не было предела, когда перед ними вывалили с десяток разнокалиберных банок.

– Откуда это? – спросила Тамара, считающая внутренности горы абсолютно необитаемыми.

– Спелеолог-одиночка один, сгинул здесь, а вещи его остались.

– Бедняга, – пожалела его Тамара.

Но в душе у нее стало радостно оттого, что крысиный суп можно и не готовить.

– А что в них? – Катюха брала в руки банку, вертела ее, трясла, пытаясь определить по звуку ее содержимое.

– Сюрприз будет, – ответил ей брат.

– Семья, в качестве поощрения нас за то, что мы нашли этот схрон, предлагаю устроить небольшой праздник. Откроем самую большую банку и съедим ее. Кто за?

– Я за-за-за! – запрыгала Катюшка, горя от нетерпения.

– За, – подняла руку Тамара.

– И я за, – присоединился Матвей.

Егор выбрал самую большую банку, воткнул в нее нож и открыл крышку. В слабом свете фонаря невозможно было разобрать содержимое.

– Что это? – не удержалась первой дочь.

Егор осторожно лизнул нож.

– Повидло... сливовое, в садике такое ел.

– Ура-а-а! – воскликнула Катя. – Я уже по сладкому соскучилась. Дай попробовать.

Егор зачерпнул ложкой желеобразную массу повидла и отправил дочери, разинувшей рот как птенец.

– Так, семья, я предлагаю вскипятить немного воды и употребить её вместо чая с повидлом, – предложил отец.

Детям трудно было ждать, но Егор настоял на этом. Пока вода закипала, он смастерил из парафина и веревки свечу. Когда свеча была готова, он поднес ее к синему пламени газовой

горелки. Немного потрескивая влагой, свеча разгорелась, распространяя вокруг себя уютный теплый свет.

– Тушите фонари, – приказал Егор.

Внутри желтой сферы, создаваемой светом свечи, было уютно. Неровное пламя гипнотизировало. Хотелось смотреть на него, не отрываясь. Каждого из членов семьи в этот момент посетило ностальгическое чувство домашнего уюта. Как мало им нужно сейчас, чтобы почувствовать себя счастливыми, и каким недостижимым казалось счастье тогда, всего неделю назад. Тамара подумала о самой себе до этой поездки и вдруг поняла, что не понимает ту женщину, вечно сравнивающую себя со всеми, отчего в душе всегда было тянущее чувство, что у тебя постоянно чего-то не достаёт для ощущения счастья.

Егор почувствовал исходящее ото всех чувство умиротворения и сам поддался ему. Оно физически присутствовало в границах, освещаемых трепыхающимся пламенем свечи. В темноте пещеры умиротворения не чувствовалось. Там притаилось леденящее чувство неопределённости, и пока горела свеча, этому чувству не было места в душах людей.

Вода в котелке закипела. Егор разлил кипяток по одноразовым стаканчикам. Кате разбавил холодной водой. Как торт на день рождения, посередине импровизированного стола стояла жестяная банка с повидлом. «Чай» пили молча, причмокивая да шмыгая носами. У Катюшки кипяток почти не отбавлялся. Вскоре по дну банки застучали ложками. Отец с матерью оставили детям право доесть повидло до конца. Право облизать банку Матвей предоставил сестре. Катя осторожно возила по дну пальцем, собирая липкую сладость, а потом облизывала палец.

После праздничной трапезы всех потянуло в сон. Свет свечи и ее запах создали атмосферу привычности. Егор почувствовал, как внутри него все эти дни жило напряжение, а он и не замечал его, пока оно не исчезло. Ему смертельно захотелось спать. Из последних сил он встал, взял сухой спальник и забрался в него.

– Если ляжете спать, притушите свечку, – отдал он последний приказ и тут же уснул.

Семья последовала его совету. Спать хотелось всем. Девчонки забрались на матрац и накрылись палаткой, Матвей, так же, как и отец, забрался в спальник. Пещера на несколько часов превратилась в сонное царство.

Первый месяц

В тот день, когда наступила полная тишина, у каждого промелькнула мысль, что он оглох. Семь дней продолжался страшный ураган, бомбардирующий корпус подводной лодки. И вдруг все затихло. За несколько часов до этого казалось, что наступил конец света, и ураган не остановится, пока не прикончит последнего человека. Если бы он продлился еще пять дней, то и котловины могло не хватить. За пять дней, что лодка пряталась в ней, уровень воды упал на два километра. Миллиарды кубометров воды расплылись по всему земному шару.

Татарчук отдал приказ подняться на перископную глубину. Ураган мог стихнуть, но не прекратиться совсем. Борясь с искушением выбраться наружу, чтобы послушать, что говорят по радио, командир решил, что благоразумнее разведать обстановку.

Первый же осмотр в перископ привел командира в ступор. Терехин забеспокоился за него. Татарчук оторвался от окуляров и долго смотрел в стену, не мигая. – Позвольте мне, товарищ капитан первого ранга, – попросил его Терехин.

Татарчук ничего не ответил, сделал шаг в сторону, не меняя выражения лица. Терехин прильнул к окулярам перископа. Вначале он подумал, что снаружи уже вечер. Темное небо заволокло тучами от горизонта до горизонта. Имели они темно-коричневый цвет, как во время заката. Но садящегося солнца не видно. Терехин посмотрел на часы, показывающие время в соответствии с часовым поясом. На улице был полдень. Виктор внимательнее всмотрелся в перископ. Ему показалось, что тучи висят гораздо ниже, чем обычно. И еще вода. Она казалась

черной. На поверхности ее плавало много мусора. Но волн почти не было. Можно всплывать, чтобы убедиться воочию с тем, что случилось с миром после урагана.

Субмарина поднялась вертикально, равномерно закачав воздух. Неожиданно эфир оказался безмолвен. Это стало подтверждением самых дурных прогнозов, которые рождались в разговорах членов экипажа. Татарчук с Терехиным несколько раз устраивали полемику насчет природы и последствий урагана. Они сходились во мнении, что такого в истории человечества еще не было, но оба верили, что катастрофа носила относительно локальный характер, зацепив восточное побережье Северной Америки, и, возможно, Западную Европу с Англией и Исландией.

Молчащий эфир говорил о том, что катастрофа прошла по всей планете. На секретных частотах никого не было. А это совсем страшно. Они должны работать даже после ядерной войны. В эту минуту каждый член команды атомной подводной лодки «Пересвет» вспомнил о своих родных. Виктор Терехин нашел спокойный и уединенный уголок на субмарине. Он сжал кулаки и изо всех сил попросил у бога, чтобы его жена и дочери остались живы.

Егор никак не мог проснуться. Сон словно придавил его бетонной плитой к земле. Непонятное чувство тревоги настойчиво заставляло открыть глаза, но многодневная усталость требовала отдыха. Тревога поборола. Егор резко сел. В абсолютной тьме пещеры было слышно, как сопят носы членов его семьи.

Стоп! Егор вдруг понял, что слышит их сопение, а раньше его перекрывал гул вибрирующих стен пещеры. «Орган» больше не играл. В пещере стояла полная тишина. Егор не мог поверить в это. За несколько дней он полностью свыкся с мыслью, что ветер – это надолго. На ощупь он добрался до газовой плитки и разжег ее. От огня прикурил огарок свечи, и все еще считая, что тишина ему мерещится, отправился к выходу из пещеры.

Стенки тоннеля не дрожали под рукой. Вход был завален, но грязь уже не сочилась сквозь камни. Ветер наконец-то стих. Егора обуяла такая радость, что раздавленная грудой камней машина казалась ему пустой мелочью. Он поспешил поделиться новостью с семьей.

– Тамара, Тамара! – Егор прошипел на всю пещеру. – Просыпайся!

Супруга, уже привыкшая, что все новости с того момента, как они отправились в эту поездку, были только плохими, испуганно подскочила.

– Что случилось? – вытаращив глаза, уставилась она на мужа.

– Ветер стих, прикинь. Там тишина. Слышишь? – у Егора даже слезы заблестели в глазах от радости.

Тамара прислушалась.

– Точно. Не верится.

Тамара встала во весь рост, и еще не веря до конца, вслушалась в тишину.

– Правда, тихо. Слава богу.

Она обняла Егора и уткнулась ему в плечо. Егор поцеловал ее в макушку. Они оба в этот момент подумали о том, что испытания даны им были неспроста. Слишком много символичности виднелось в этом. Божий промысел словно привел их к тому месту, откуда началась их совместная жизнь, и указал на мелочность тех проблем, которые рушили их брак.

Тамара и Егор не стали будить детей. Они с нетерпением ждали, когда те проснутся сами. Первой открыла глаза Катюшка. Она высунула личико из-под палатки и удивленно посмотрела на родителей, счастливо улыбающихся и держащихся за руки.

– Вы чё? – коротко и ясно спросила она.

– Мы ничё. А ты разве не слышишь? – спросила с улыбкой на губах Тамара.

Катя прислушалась.

– Гудёжа нет, – заметила она. – Ветер что ли закончился?

– Конечно, маргышка, ветра нет, – Тамара подошла к Кате и обняла дочь.

– За нами скоро приедут из МЧС? – спросила Катя.

– Конечно, бабушки и дедушки ваши, наверное, уже все службы обзвонили.

– Я думаю, что в течение суток, ну, максимум двух, за нами приедут, – убедительно сказал отец.

Разговор услышал сын. Он выбрался из спальника и тихо подошел и сел на край матраса.

– Слышал, что ветер стих? – спросила его мать.

– Слышал. Здорово. Но только МЧС ждать не стоит. Надо самим выбираться, – Матвей разрушил торжественную приподнятость настроения.

– Матвей, твои теории имеют право на существование, но я предлагаю подождать двое суток. Если помощь не придет, попробуем найти выход из пещеры.

Егор верил, что выбравшись из пещеры, они смогут получить вполне простое объяснение тем непонятным вещам, вроде рыбы или соленой воды. Ну как могла попасть сюда, да еще и в таком количестве морская вода? Бред.

– Двое суток, Матвей. Вот увидишь, что помощь обязательно придет, – Егор свято верил в то, что говорил.

– Ну хорошо, двое, так двое. Чем займемся в ожидании?

– Может, мне еще раз попробовать разобрать вход? – предложил Егор. – В этот раз при помощи инструмента.

– Потерпи, Егор, не хотелось бы рисковать, когда помощь будет рядом – забеспокоилась Тамара.

Матвей хмыкнул. Он оставался при своем мнении.

– Значит, решено, двое суток ждем, а на третьи идем искать выход из пещеры, – Егор шлепнул ладонями по ляжкам и резко встал. – А пока побалуем себя советской кухней без консервантов.

Понятие «сутки» в условиях полной темноты и отсутствия часов можно было мерить только условно. Субъективно вторые сутки заканчивались, а помощь не приходила. Все знали, что Горбуновы поехали к Черной пещере. И на работе Тамары, и на работе Егора, а также родственники. Неужели им настолько все равно, что они вовремя не явились на работу, давно не звонят?

Тамара постоянно прислушивалась к звукам, идущим со стороны входа. Она пыталась уловить хотя бы намек на звук разбираемых камней. Но в пещере стояла полная тишина. Теперь она давила так же, как и инфразвуковой «орган». Радость постепенно заменялась беспокойством. Надежда на скорое освобождение таяла с каждым часом.

Егор с сыном снова ушли за водой, Катя спала, и некому было остановить поток негативных мыслей. Тамара тряхнула головой, разгоняя их, как собака сгоняет с себя воду. Немного помогло. Война войной, но мужчины просили ее приготовить обед к их возвращению. Если она так и будет сидеть наедине со своим унынием, то от этого никому сытнее не станет. Тамара потрясла над ухом жестяные банки консервов. Выбрала самую густую и вскрыла ее ножом. В банке была тушенка. Ее запах напомнил ей прекрасное время в пионерских лагерях. Теперь она знала, чем пахло из столовой.

Крупы уже не было, поэтому всех ждал жидкий, но наваристый суп из тушенки. Если бы Тамара открыла рыбные консервы, то всех ждала бы уха. Она вывалила тушенку в котелок, добавила кусочек соли и принялась помешивать, пробуя на вкус.

В дальнем конце пещеры послышался шум и забегал по стенам луч фонаря.

– Это вы? – крикнула в темноту Тамара.

– Я, – ответил Матвей.

Тамара дождалась, когда подойдет сын. Матвей подошел и поставил на пол бутылку с водой.

– А отец где? – спросила она.

– Полез искать выход, – ответил сын.

По интонации мать сразу догадалась, что сын ей что-то не договаривает.

– Вы там что, поругались?

– Немного. Отец не верит, что ветер был такой силы, что нанес сильный урон. Я ему все объяснил, это же очевидно. А он разозлился и сказал, что выберется и покажет мне, что ничего страшного там не произошло. Он сказал нам готовиться встречать его с той стороны.

– Матвей, вот зачем ты разозлил отца? Он ведь в таком состоянии обязательно глупостей наделает. У вас, у мужиков, когда тряпкой перед лицом махнут, вы же сразу голову теряете.

– Нет, мам, он успокоился. Мы с ним спокойно до той пещеры дошли, откуда сквозняк дует. Он взял трос, клинья, топор. Он и так собирался лезть, без нашего спора...

– Садись, ешь, – оборвала Тамара сына.

Тоннель так и шел вертикально вверх. Руки и ноги тряслись от напряжения. Егор поднимался на несколько перехватов, затем расклинивался, упершись спиной и ногами в стены тоннеля, и несколько минут отдыхал. Силы были уже на исходе. Падать вниз самоубийственно, но и лезть вверх уже не осталось сил.

Егор снова перехватился. Нога скользнула по мокрой стене и ушла в пустоту. Тело на мгновение превратилось в стальную пружину, расклинив себя на трех точках. Егор выдохнул. Кровь забила в висках от страха и напряжения. Он уперся соскользнувшей ногой в стену. Зафиксировавшись, он в который раз разогнал динамо фонарика. Ну хоть какая бы трещинка проступила в скальной породе! Выровненные потеками стены были гладкими и сплошными.

Оказавшись в безвыходной ситуации, Егор понял, что каждый раз, принимая скоропалительные решения, он больше всего вредил самому себе. В этот раз ему нужно обязательно выбраться наружу. Семья ждала его, и он не мог подвести их. Если он сгинет в многочисленных тоннелях, и если Матвей прав, то их ждет мучительная голодная смерть. Хотя, если Матвей такой умный, то он возможно и придумает, что-то умнее, чем карабкаться вверх по отвесному тоннелю.

Егор усмехнулся, вспомнив свой спор с сыном. По сути, у него не было аргументов против доводов Матвея, он исходил только из того, что вероятность такого ветра невозможна. А невозможен он был только потому, что в истории человечества таких ветров не описывалось никогда. У Егора имелись кое-какие сомнения на счет своей правоты, но в одиночестве, хорошо поразмыслив, он смог убедил себя, что теория сына неправдоподобна.

Егор снова перехватился, и еще раз. В тоннеле было холодно. Майка уже давно выправилась из штанов и в поясицу дул ледяной сквозняк. Не хватало еще приступ радикулита получить прямо во время подъема. Это была бы очень смешная и нелепая смерть, заслуживающая премии Дарвина.

Кажется, прошел час, или два. Ноги и руки сделались ватными. Егор не чувствовал, как они упирались в стены. Он знал, что они упираются, потому что мозг отдавал им такой приказ, но от конечностей не приходил обратный сигнал. Его мелко трясло. Силы были на исходе. Егору хотелось заплакать от бессилия, но он знал, что плач заберет последние силы и он сто процентно свалится в бездну, которую преодолел с таким трудом.

Егор уже не был уверен, что перехватываясь, поднимается вверх. Ему казалось, что он просто топчется на одном месте. В это не хотелось верить, но малодушная мысль настойчиво сверлила мозг. В очередной раз Егор уперся спиной и ногами в стену, и взял фонарь в руку. Сил «вжикать» динамо тоже не осталось. Бледный свет фонаря прошелся по стенам и ... утонул во мраке. Над головой, метрах в двух, тоннель разветвлялся и одним рукавом уходил в сторону.

Егор бессильно опустил руку, переборол желание разрыдаться и замер, набирая сил для решительного и последнего подъема. Оптимизм придал ему сил. Егор еще раз осветил тоннель.

Ромбовидный разлом в горе, по виду относительно свежий, без заметных натеков по стенам, уходил под прямым углом по отношению к тоннелю, в котором застрял Егор.

Мужчина просчитал все движения, куда он будет ставить ногу, где ухватится, как перекинёт центр тяжести, чтобы ввалиться прямо в ответвление. План придал ему уверенности. Егор начал решительный штурм последних метров. Поднявшись вровень с ответвлением, он перехватился так, чтобы упереться ногами в противоположные стены тоннеля. Выполнив это, вытянул руки вперед и юркнул внутрь бокового прохода. Егор затащил ноги в тоннель и позволил себе немного порыдать, в основном для того, чтобы снять нервное напряжение.

Но чувство долга не позволило ему пребывать в инертном состоянии. Егор размял затекшие конечности и двинулся дальше. Сквозняк в туннеле присутствовал, а через некоторое время ему стали попадаться маленькие черные комочки, в которых он признал крысиные экскременты. Это был хороший знак. Животные могли жить вблизи выхода из горы. Тоннель расширялся, пока не разошелся до вполне полноценной пещеры. Откуда-то потянуло влагой. Через несколько шагов Егор понял причину запаха. Он с ходу наступил в воду, провалившись ногой почти по колено. Это была не совсем вода, а такая же жижа, как у них в пещере. Егор попробовал ее на вкус. Она оказалась соленой. Выход находился рядом.

Егор принялся интенсивно тренировать динамо фонарика, чтобы лучше осветить пещеру. Он чуть не выбросил фонарь в воду, когда увидел, что весь потолок усеян летучими мышами. Их были тысячи. Егора передернуло от отвращения. Он с детства считал летучих мышей кровопийцами, хотя это и не так, но полностью победить детский страх ему не удалось.

Надо было идти вперед. Пол пещеры блестел спокойной ровной гладью. На ней не виделось ни одного выступающего островка, чтобы использовать в качестве ориентира и промежуточного пункта отдыха. Егор надеялся, что глубина здесь небольшая и он легко преодолеет препятствие. Он сделал первый шаг. Нога ушла по колено, второй шаг – выше колена, третий шаг – по пояс. Егор хотел уже вернуться, чтобы поразмыслить над тем, как найти более безопасный путь, но четвертый шаг показал, что глубина выровнялась на уровне поясницы. Жижа была холодной и неприятной по составу, напоминая илистое дно у реки.

Егор пересек половину пещеры, подсвечивая себе маршрут. По тому месту, откуда текла грязь, можно было вычислить выход. Пока стены оставались девственно чистыми. Время от времени летучие мыши опраивались, и их продукты жизнедеятельности с мягким всплеском падали где-то рядом.

Пещера изгибалась пологими поворотами вправо. Глубина варьировалась от колен до почти по шею. Егор прижался к стене, считая, что у нее будет меньше вероятности куда-нибудь провалиться. В намокшей одежде было холодно. Стресс прошел, и Егор чувствовал, как он устал и замерз. Зубы стучали.

В сравнении с Черной пещерой эта оказалась гораздо больше, и Егор пока не достиг противоположной стены. Наконец она появилась в слабом свете фонаря. А вместе с ней и полузатопленный выход из пещеры. Егор заторопился, увидев его. Он отошел от стены, и интенсивно разгребая жижу перед собой, направился к выходу. За что и поплатился. Нога внезапно не ощутила опоры. Егор со всего маха ушел с головой в жижу. Он забил руками, боясь, что его может затянуть в грязь. Ноги достали дно. Егор оттолкнулся от него и выскочил на поверхность. В полную тьму. Фонарь слетел с руки. Егор был полностью дезориентирован. И собраться с мыслями не получалось. Жижа не держала на поверхности. Егор снова пошел ко дну. Когда ноги достигли его, Егор присел и что было сил выстрелил собой вперед. С пятой попытки у него получилось попасть на место, где вода достигала ему подбородка. Тем не менее, куда двигаться, было непонятно. И Егор придумал, как определить, с какой стороны находится стена.

– А! – громко и отрывисто крикнул Егор.

Звук разошелся свободно. Егор развернулся на четверть оборота.

– А!

Звук с правой стороны как будто был приглушенной. Егор сделал еще четверть оборота вправо и крикнул. Звук как будто утонул в препятствии. Для чистоты опыта он сделал еще пол оборота и крикнул. Теперь с левой стороны звук был приглушенной. Егор вернулся на пол оборота назад и осторожно проверяя перед собой дно, двинулся вперед. Вскоре дно пошло на подъем, и Егор уперся в стену. Пройдя приставными шагами влево двадцать шагов, он нащупал проход. Он тоже был затоплен.

Сквозняк в проходе оказался такой силы, что толкал Егора перед собой и свистел в поворотах. Егор шел осторожно, проверяя руками расстояние впереди. Был шанс уткнуться лбом в какой-нибудь выступ. Этого Егор уже не смог бы выдержать. Эмоциональные и физические силы оказались на пределе. Любое препятствие, даже самое безобидное, могло выбить его из колеи.

Егору показалось, что жижга стала теплее и впереди, как будто замаячил свет. Это на самом деле было так. Слабый свет проникал откуда-то в пещеру, и он приближался. Егор выставил руки перед собой и прибавил шаг. Он не мог поверить своим глазам, когда увидел края пещеры на фоне более светлого неба.

Егор вышел наружу. На улице была ночь. Для глаз, привыкших к темноте, она не оказалась такой уж непроглядной. Егор, не веря, что ему это удалось, вышел наружу. Теплое безмолвие ночи приняло его в свои объятия. Звезд на небе не оказалось Егор чувствовал, что небо было тяжелым и близким. В воздухе сильно пахло влажностью, и царила абсолютная тишина. Ни ветерка, ни стрекота сверчков, ни крика ночной птицы. Но это мало волновало Егора. Он выбрался из склепа и был свободен. Как рассветет, он спустится вниз и разберет вход в пещеру, где осталась его семья.

Вокруг пещеры, задержавшись на каменных выступах, лежали остатки грязи. Егор чуть не поскользнулся и не сорвался вниз. Благо разумно решив не испытывать в который раз судьбу, он нашел более-менее сухое место, устроился на нем поудобнее и уснул.

Дабы не угнетать себя монотонностью и бессмысленностью существования, космонавты решили заняться делом. Они решили попробовать связаться с Землей по обычному радиоканалу. Долгое время не было слышно ничего кроме помех. Но спустя неделю с того времени, как началась эта буря, до них долетел первый сигнал. Сигнал от выжившего человечества. Джейн немного понимала испанский и смогла разобрать, что эти люди спаслись в горах, что они ученые и занимались астрономией. Полноценного общения с ними не получилось из-за того, что МКС быстро ушла из зоны приема сигнала.

Из-за сплошных туч лодка никак не могла определить правильные координаты по спутникам навигации. Кто-то из команды предложил установить радиосвязь с космической станцией. И это удалось.

Старшие офицеры собрались на палубе лодки под тяжелыми, низкими тучами. Темный океан лениво колыбался. Погода была почти безветренной. На поверхности воды плавало много мусора. Пейзаж совсем не походил на прежний океан, скорее всего, он был похож на затопленную городскую свалку.

Татарчук прошелся по палубе, внимательно осмотрел повреждения корпуса. «Тело» лодки оказалось все в шрамах. Отметины, оставленные твердыми предметами, покрывали его сплошь. Вдоль правого борта имелись длинные борозды с зазубренными краями, оставленные чем-то крупным. Терехин вспомнил этот скрежет в свою первую смену. Вмятину, оставленную столкновением с дном, сейчас осматривали водолазы. Можно было не сомневаться, что и там не будет особых проблем, иначе на глубине любое повреждение корпуса немедленно дало бы о себе знать.

Можно было считать, что из битвы со стихией подлодка вышла победителем. Неясно только, что делать с такой победой. Ситуация для экипажа военного судна была совершенно нетипичной. О ней не писалось в Уставе, не предупреждалось на разводе перед боевым походом. Как быть в случае, когда не отвечают командные центры, когда не знаешь, существует ли еще государство, которое ты обязался защищать? Субмарина колыхалась на волнах среди бескрайнего океана, как сирота. У нее пропала цель, ради которой она и появилась на свет.

– Товарищ командир, товарищ командир! – из люка показался вахтенный матрос. – Там это, передача с космической станции!

Всех, кто был на палубе, как волной смыло. Впереди всех, как и положено по субординации, в люке исчезла блестящая лысина Татарчука. Когда офицеры ввалились в рубку, передача уже закончилась.

– Связь неустойчивая, скорее всего из-за грязной атмосферы, – предупредил вахтенный офицер.

– Да пес с ней, с атмосферой. Что они сказали? – почти крича, спросил командир.

– Я сейчас, я записал, они несколько раз повторили, – офицер взял со столика листок и волнуясь, начать читать. – Всем, кто выжил и имеет возможность слышать нас, знайте, что катастрофа постигла всю планету. Мы видели, как все начиналось, но очень скоро атмосфера скрыла происходящее. Связь с центром управления прервалась сразу, как фронт достиг его. По нашим данным скорость ветра достигала тысячи километров в час, и более. Мы ослеплены и не знаем, что происходит на земле. Всем, кто имеет возможность радиосвязи, ответьте. Каждые сорок пять минут мы находимся над вами. До связи. А потом на английском еще было, – офицер положил листок, боясь взглянуть в глаза командира.

Татарчук присел. Взгляд его блуждал. Ладонь полировала лысину.

– Вот, значит, как... все-таки, вон как получилось... по всей планете, – он перевел взгляд на команду. – Всем отдыхать до особого распоряжения. Свободны! – затем повернулся к связисту. – Сделаешь нам связь с космосом?

– Так точно, товарищ капитан первого ранга.

– Хорошо, хорошо, – произнес он автоматически. – Вот дела.

Терехину вдруг стало тесно внутри подлодки. Он почувствовал приступы клаустрофобии. Низкий потолок, теснота отсеков и пустота внутри себя вытолкнули его на палубу. Хотелось уединиться, никого не видеть и не слышать. Виктор прошел к самому носу судна. Взгляд его смотрел в никуда, потому что мыслями он был далеко от этого места. Капитан Терехин был дома, с женой и дочерью. Его нос уловил в воздухе знакомые ароматы дома, разошедшиеся теплом по сердцу. Это была работа сознания, подыгрывающая желанию человека. Терехин в этот момент думал только о том, чтобы бросить этот ставший ненужным поход и вернуться домой, узнать судьбу близких.

Тут он был не одинок. Каждый член экипажа подлодки «Пересвет» оставил дома кого-нибудь и переживал за их судьбу. По всем раскладам следовало повернуть назад, ибо то, ради чего задумывался этот поход, потеряло смысл. Если Татарчук вовремя не примет решение, Виктор решил убедить его в разумности возвращения домой. Вряд ли Америке сейчас до конфронтации, как и России.

Непривычный свет раздражал глаза даже сквозь веки, Егор отвернулся от него и напоролся ребрами на камень. Вскрикнув от боли, он проснулся и открыл глаза. И тут же закрыл. Свет резанул, оставив яркие пятна на сетчатке. Егор сел и прикрыл глаза ладонями. Так смотреть было легче, но все равно неприятно. Слезы потекли из глаз.

Егор снял с себя грязную майку и натянул на голову. Обернул ее вокруг в два слоя и вновь открыл глаза. Так стало еще комфортнее. Через полчаса Егор оставил один слой. Еще через

полчаса он мог смотреть себе под ноги, разглядывая камни. Наконец, Егор решился выглянуть из-под майки. Он приподнял ее за одну сторону, осторожно приоткрыл глаз и остолбенел.

Он не знал мир, лежащий перед ним. Неестественное коричневое низкое небо, почти соприкасавшееся с пологими вершинами старых уральских гор, и бескрайняя водная гладь у их подножия. Егор встал, зажмурился, для верности потер глаза и снова открыл. Ничего не изменилось. В коленях появилась слабость, и мужчина сел. Разум отказывался верить в то, что видели глаза. Егор решил, что иллюзия могла быть вызвана тем, что он провел в полной тьме больше недели.

Постепенно глаза привыкали к дневному свету, и по мере привыкания Егор замечал, что на улице совсем не день, а настоящие сумерки. Коричневое небо почти не пропускало солнечный свет. В окружающем ландшафте ничего не менялось, напротив, становилось все реалистичнее и пугающе.

Пока Егор ждал, когда глаза полностью приспособятся к дневному свету, он осмотрелся. Если бы ему сказали, что он перенесся в другое место, где горы стоят прямо в черной воде, со склонами, лишенными любого намека на растительность, то Егор с большей вероятностью принял бы эту правду, чем ту, которая к его страху настойчиво напрашивалась. Матвей был прав, и это ужасно.

Мужчина понял, что стоит на той же стороне склона горы, где и располагался вход в Черную пещеру. Впереди за большим черным «озером», теряясь то ли в тумане, то ли в пыли, находилась двойная вершина, она и служила ориентиром, для туристов. Егор посмотрел вниз, чтобы примерно определить, где находится вход. Склон горы был непривычно лишен растительности. Ветер и селевые потоки сбрили все, что росло на ее склонах, и оставили за собой грязные следы.

Рядом с той пещерой, откуда он выбрался, находилась подсыхающая грязная лужица. Егор макнул пальцем и проверил ее на вкус. Соленая. Он не сомневался, что и «океан», раскинувшийся под ним, имел тот же вкус.

Семья теперь с нетерпением ждала результатов его экспедиции. Егор представил их сидящих в темноте и томящихся ожиданием. Наверняка им в голову лезли разные мысли, и Тамара успокаивала детей, в душе со страхом предполагая какой-нибудь страшный исход. Следовало быстрее найти вход в Черную пещеру.

Глаза пытались найти хоть какую-нибудь зацепку, чтобы примерно определить, в какую сторону двигаться. Егор знал, что сейчас он выше, но влево идти или вправо, не мог понять. Мужчина стал осторожно спускаться вниз. Кое-где грязь застряла в неровностях рельефа. Егор не хотел пачкать подошвы ботинок в ней, чтобы не поскользнуться. Но все равно приходилось это делать.

Интуитивно он решил двигаться вправо. Так ему казалось правильнее. Никаких шатких камней на пути не встречалось. Стихия отшелушила с тела горы всю старую «кожу». После свежего и холодного воздуха пещеры Егор не сразу понял, что на улице душно и тепло. Из-за больших усилий по телу потекли ручьи пота. Егор то и дело останавливался, растирая их грязной майкой по лицу.

Его усилия скоро вознаградились, он увидел дорогу, по которой приехал к пещере. Это значило, что он немного отклонился правее, но с другой стороны, идя по ней, невозможно было промахнуться мимо пещеры.

Примерно через полчаса Егор ступил на поверхность вычищенной до блеска дороги. Ветер постарался на славу. Ни один человеческий механизм не смог бы этого сделать. Гладкая, как отполированная, поверхность местами пестрела крупными выбоинами. Егор представил, какие куски камня ударялись в эти места. Но на дороге они не лежали, что прямо указывало на то, какой силы был ветер. Егор подошел к краю. Раньше с него открывался вид на лесистую долину глубоко внизу, а теперь вместо нее раскинулась водная гладь. Неподвижная, чер-

ная. Своим неестественным появлением она вызывала суеверный страх. Егора передернуло. Не было никакого желания подойти к бережку, наоборот, хотелось держаться от него подальше.

Егор продолжил движение по дороге. Он вдруг осознал, что вода никак не могла попасть сюда, минуя прочие территории. Что теперь случилось с его родными и близкими? Может быть, стихия обошла их стороной или поверху, не принеся серьезных разрушений? В это хотелось верить, а пока мысли мужчины были заняты своей семьей, запертой в «склепе».

Идти по ровной дороге – это не карабкаться по горам. Егор миновал очередной поворот. Дорога здесь находилась с подветренной стороны и уже не была такой отполированной. Вдоль стен шёл сугроб из камней и грязи. Вскоре Егор вышел на площадку перед входом в Черную пещеру.

Сель, сошедший сверху и заблокировавший выход, почти полностью унесло ветром в долину. Практически вся площадка была чиста, только вдоль обтесанной стены собралась груда камней длиной метров в двадцать и высотой метра в два. Следовало точно определить, где находится вход, чтобы не прилагать больших, чем надо усилий.

Егор вспомнил расположения до начала ветра всех предметов на площадке и деревьев. Нашел оставшиеся от них еле приметные пеньки, выбрал ракурс, с которого, как ему помнилось, он смотрел на них. Примерился и стал разбирать завал. Камни попадались в основном не крупные. Тяжелые катились по инерции дальше, туда, где их подбирал ветер и скидывал в пропасть.

Время от времени Егор применял трос, обёрнутый вокруг пояса, чтобы снова не размозжить себе пальцы. Он почти не ошибся. Вход в пещеру был немного левее. Через пару часов усилий Егор дернул за мокрый камень, который, выскользнув из рук, провалился внутрь. Вход нашёлся.

Егор взял маленький тайм-аут. Он хотел крикнуть в пещеру, но к горлу подкатил ком, и вместо крика он издал шипение. Пришлось подождать, чтобы успокоиться. Вдруг из глубины раздался голос Матвея.

– Пап! Пап! Это ты?

Егор подскочил, как ужаленный, просунул голову в отверстие, освобожденное камнем.

– Я это, сынок! Я! Скоро раскопаю проход, иди, скажи маме. На свет пока не смотрите, а то ослепнете с непривычки.

– Хорошо, пап, скажу. Как там, на улице?

Егор разволновался, говорить сразу или нет, про масштаб стихии.

– Ты был прав, Матвей. Иди к маме, скажи, что все нормально, и я скоро разберу вход и приду к вам. Не забудь сказать, чтобы берегли глаза.

– Хорошо!

Егор услышал, как зачавкали ноги сына по грязи. С утроенным усердием принялся он раскидывать камни. Тамара не послушалась, и Егор услышал ее плач.

– Тамара, не подходите близко, иначе испортите глаза, – предупредил Егор.

– Я уже поняла, – ответила она сквозь слезы. – Как хорошо, что ты добрался живой. Мне в голову чего только не лезло.

– Сейчас я разберу, чтобы немного пролезть.

Егор расчистил проход наполовину. Их машину приплющило к земле так сильно, что до нее он так и не добрался. В пещеру можно было попасть, только сильно пригнувшись. Ему пришлось раскидать камни так, чтобы они снова не завалили проход. Егор забрался внутрь, сделал несколько шагов и увидел Тамару, шутившуюся на свет, за его спиной. Он крепко обнял ее. Тамара прижалась лицом к его груди и разрыдалась.

– Не верится, что все позади, – произнесла она.

Егор не знал, что ей ответить. Он увидел, что в двух шагах стоят Матвей и Катюшка. Они смотрели на родителей. По их щекам катились слезы, отражая дневной свет.

– Все будет хорошо, – Егор поцеловал Тамару. – А сейчас мне хочется пить и есть. Осталось что-нибудь в этом гостеприимном доме?

– Осталось, – сквозь слезы сказала жена. – Без тебя аппетита ни у кого не было.

Обрадованная возвращению главы семейства, семья с удовольствием ела нехитрый обед. Тамара открыла банку, в которой оказалась килька в томате. Из нее получилась жиденькая уха. После обеда Егора отпустило. Он почувствовал, как ноют все мышцы. Спина не разгибалась в пояснице и болела. Руки скрючились, и на попытку разогнуть их отзывались резкой болью.

– Кажется, сегодня я больше ни на что не гожусь, – Егор понял, что заставить себя работать он уже не сможет. – Я выйду, а вы можете посидеть перед входом. Когда глаза немного привыкнут, передвигайтесь ближе.

– Как там? – спросила Тамара, дождавшись, когда муж поест.

– Знаешь... – Егор задумался на мгновение, – кажется, наш сын перещеголял нас в умственных способностях. Вся долина залита водой, даже не водой, а грязью. И она соленая.

– То есть?

– То есть, ее могло принести ветром откуда угодно, с моря или океана.

– Но это невозможно, до ближайшего моря две тысячи километров, – Тамара все еще считала, что есть более рациональное объяснение.

– Когда ты увидишь то, что я уже видел, у тебя и отпадут все вопросы.

– Ладно, вы, мужики, любите все драматизировать. Откопались, и это хорошо. Меня, честно говоря, уже начинала мучить клаустрофобия и боязнь темноты. И после того, как ты ушел, я стала слышать крысиный писк. Матвей пару раз разжигал покрышки, чтобы испугать крыс.

– Ну, теперь все позади, глаза привыкнут, и можете спокойно выходить на улицу. Там кстати, не так уж и светло. Ветер поднял пыль до неба, и облака теперь коричневые и плохо пропускают свет.

– Мы все интересное пропустили, – вставила реплику Катюшка.

– Кать, радуйся, что ты была в пещере, иначе ветер мог унести тебя на другой конец земли, – объяснил ей брат.

– Как Элли и Тоттошку, – вспомнила она «Волшебника Изумрудного города».

– Ага, типа того.

– Я бы согласилась.

– С такими умными и смелыми детьми нам никакие ураганы не страшны, – поддержала их разговор Тамара.

– Когда вы выйдете на улицу, то вам покажется, что вас перенесло в другое место на самом деле, – заинтриговал детей отец.

Егор поднялся, попытался подвигать конечностями, заохал и бросил эту затею.

– Я пойду на улицу, не хочу снова привыкать к свету полдня. Пройдусь по округе, посмотрю, что да как.

Заточение в пещере и в самом деле породило нежелание находиться в ней. Стены и темнота давили на подсознание, проявляясь в виде кажущегося недостатка воздуха. На полусогнутых, деревянных ногах Егор пошел к выходу. Сын прицепился с ним.

– Я только до того места, где глазам не будет больно, – пояснил Матвей.

Егор и не сомневался, что сын так и сделает. Матвей остановился метров за десять до выхода.

– Всё, начну отсюда привыкать, – сын остановился и притулился на каменный выступ.

– Хорошо, двигайся понемногу, как глазам будет комфортно. У меня ушло часа два на привыкание, а ты молодой, думаю, за час привыкнешь.

Сын согласно кивнул. Егор пошел дальше. Выбравшись наружу, он шурился на свет еще минут пять. Когда глаза привыкли, Егор направился вниз по дороге. Он решил дойти до уровня

воды. Ему хотелось верить, что где-то там откроется понимание причин стихии, и они окажутся локальными, произошедшими только в этом месте. При всех фактах, указывающих на глобальность катастрофы, Егор надеялся найти им вполне простое и успокаивающее объяснение.

Дорога шла кольцом вокруг горы, спускаясь вниз, к подножию. Идти было легко. Но чем дальше уходил от пещеры Егор, тем больше он видел разрушений, причиненных ветром. С наветренной стороны скальные породы выщерблены словно попаданиями пуль и снарядов. Края выбоин ветер успел отполировать до гладкого состояния. От растительности не осталось даже и следа. Горы выглядели как до начала времен. А ведь семья ехала сюда под сенью деревьев, растущих на обочине. Теперь не было и самой обочины. Выметенная пескоструем до зеркального блеска, вся дорога превратилась в одинаковую ровную поверхность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.